

Татьяна Вячеславовна Иванько

Говорит и показывает

Серия «Говорит и показывает», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43703555

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95987-3

Аннотация

Эпоха упадка и распада сообщает упадок и в души людей? Разлагает или кристаллизует не окрепших и юных? И что происходит со зрелыми, действительно ли зрелы их души? Каждый поступок, как камень, брошенный в воду создаёт волны, изменяющие всё, всё в будущем, всё в прошлом... Падение или взлёт, не всегда можно сразу понять, что произошло с человеком.

История нескольких семей, людей разных поколений, на фоне зашатавшегося мира. Как выбрать путь, если все светила погасли, и осветить наступившую тьму ты можешь только своим умом и душой? Как понять истину любви и дружбы? Как оценить привязанность? Где провести границу между любовью и развратом? Разрушить гнилое, чтобы построить новое? Или прежнее не сгнило, тогда почему тяготит и мешает...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1. Запах канифоли	4
Глава 2. Особенный человек	19
Глава 3. Легкость и путаница	33
Глава 4. Новый год	47
Часть 2	60
Глава 1. Разноликий праздник	60
Глава 2. Разбуди меня	75
Глава 3. Ложь	86
Глава 4. Цербер	97
Часть 3	107
Глава 1. Пороки	107
Глава 2. Льдины	124
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Татьяна Иванько

Говорит и показывает

Часть 1

Глава 1. Запах канифоли

– Мама!.. Где паяльник? Что такое, вечно ничего не найти! – с досадой спросил я, закончив бестолково рыться в ящике с инструментами в чулане.

– Ты нашёл, у кого спросить, откуда я знаю? Может быть, Виктор взял и не положил на место? – мама обернулась от плиты.

– Да ладно, Витька в жизни его в руки не брал, не знает каким концом в розетку-то совать, скажешь тоже! – я отмахнулся, начиная сердиться.

– Ну, в инструментах смотри, в ящике...

– Да нету там.

– Значит Маюшка взяла.

– На черта он Маюшке сдался?

Мама посмотрела на меня чуть насмешливо:

– А на черта ты ей шлем мотоциклетный подарил, гитары ваши и вообще... Что удивляться, что теперь ей понадобил-

ся паяльник?

– Причём тут это...

Я устал уже слушать, какие неподходящие увлечения я прививаю своей пятнадцатилетней племяннице вроде мотоциклов и рок-музыки. Чуть что сразу об этом все заговаривают.

– И канифолью, чуешь, тянет? Точно от вас, сверху.

А вот это уже не придирки, а факт: горьковатый жёлтый запах тянется с лестницы второго этажа, где наши с Маюшкой комнаты. Я подошёл к маме ближе, заглянул через плечо, вдохнув аромат «Climat» от её ещё не седых волос в химических букольниках: она готовит, ужин, ясно. Похоже, печёнка, неплохо. И пюре, значит будет, вон, картошка булькает. М-м-м... Есть уже хотелось, сразу вспомнил о еде и даже злиться перестал.

– Когда есть-то будем? – спросил я, проглотив слюну.

– Иди-иди, не подлизывайся, Лиду с Виктором подождём, тогда...

– Чего их ждать-то, не дождёшься... – пробормотал я.

– Не ворчи.

Виктор – муж моей сестры, директор Приборного завода, который он, можно сказать, унаследовал от моего отца, что был директором много лет, и поднял своего зятя от начальника цеха до своего зама, когда узнал, что болен и придётся оставить свой пост.

Отца уже восемь лет нет на свете, столько времени Виктор

– директор. Я едва окончил школу и учился на первом курсе, когда мы похоронили отца. И не знаю, его ли тяжёлое умирание, или то, что моя сестра была врачом, определило мой выбор профессии, но пошёл я по сестриным стопам. Мы с ней коллеги теперь во всех смыслах, работаем вместе в роддоме. Она – заведующая, а – ординатор. Однако, и это не сделало нас ближе.

В семье, где все вечно заняты, всегда на работе или отвечают на бесчисленные звонки неумолкающего телефона, дети обделены вниманием. Вот и мы с Майей, существовали отдельно от наших взрослых. Они всегда были и есть отдельно от нас, и даже отдельно друг от друга. Даже, когда был жив отец. Мама – директор школы, сестра – врач, что дежурит два, а то и три раза в неделю, её муж... словом, всех вместе увидишь даже не в каждые выходные и праздники. И в нормальных семьях дети существуют в своём отдельном мире, а уж в такой как наша и подавно.

Но с Маюшкой мы вместе. Эта дружба началась, когда я заболел ветрянкой в двенадцать лет. Маюшке было три.

Я валялся с температурой, болячками и книжками наверху, где была моя комната, чувствуя себя почти в заточении. Маюшка и пришла ко мне однажды.

– Ю-юска, давай покъясу? – спросила она, взяв в руки пузырёк с зелёнкой и намереваясь подмазать гадкие болячки на моей коже.

Она, маленькая, белобрысенькая, большеглазая и худо-

сочная, так трогательно выглядела во фланелевом платице жёлтого цвета с большой горох, колготках гармошками на её тощих ножках, с лохматенькими жидкими волосиками и грустно свисающим капроновым бантом, и смотрела так просительно, что отказать ей я никак не мог. Тем более что за весь день ко мне, кроме неё, не зашёл никто: заглянут от порога, и уходят, и то, уже вечером, а с утра я вообще оставался один, пока не привели Маюшку из садика.

Маюшка с забавно серьёзным личиком взялась за дело и раскрасила меня свежей зеленью, не пропуская прежних корок со стёршейся за день краской и все обнаружившиеся новые.

– Ну вот. Вот типей хаясо, – удовлетворённо заявила она, деловито и озабоченно разглядывая меня. – Тибе не бойна?

– Нет, только чешется ужасно, – признался я.

– Цесется?.. Интиесна... – удивилась она.

Потом вздохнула, сочувственно глядя на меня, «зелёнчатого леопарда» и села рядом, сложив маленькие ручки, перепачкавшиеся в зелёнке, на коленках.

– Хочесь, посизу с тобой? – серьёзно спросила она. – Могу песенку спеть.

– Ну спой, – сказал я.

Майя затянула песенку Медведицы из «Умки», перевирая безбожно слова и выдумывая свои вместо тех, что не поняла или не запомнила. Это было до того потешно и мило, что мне сразу стало легче. И с этого дня я начал поправляться.

А Майя, напротив, заболела, заразившись от меня. Но теперь уже я ухаживал за ней, выздоравливая. Приносил тёплое молоко с мёдом, уговаривая его выпить, читал ей сказки, а потом свои книжки: «Врунгеля», «Гулливера», «Двадцать тысяч лье...». Она слушала, не перебивая, и просила ещё. Вот тогда-то в таком же вот снежном декабре 1976 года, двенадцать лет назад и началось то, что делает нас с Маюшкой несокрушимым анклавом внутри нашей семьи до сих пор.

Даже моя учёба в институте не разрушила этого, я, пользуясь близостью нашего города к Москве, в общежитии на выходные не оставался, да и среди недели нередко приезжал, на электричке – меньше часа. И взросление, вначале моё, а теперь и её, только ещё больше сблизило нас и совсем отгородило от «предков».

Впрочем, они были только довольны, что всегда было кому забрать Майю из сада, а потом из школы, разогреть обед или ужин, а позже Майя стала делать то же для меня, когда я приезжал с учёбы или прихожу теперь с работы.

Я подписывал ей дневник за родителей, этого не замечала даже мама, что директорствовала в нашей с Майей школе. Но зато «по благу», мы с Маюшкой изображали преемственность школьных поколений на линейке, когда она пошла в первый класс, а я был десятиклассником. Я пронёс её на плече перед выстроившимся нарядными школьниками, а Майя звонила в колокольчик, перевязанный большим атласным красным бантом.

Она одобряла или не одобряла моих подружек, замечая то, что я не всегда мог увидеть: «На колготках стрелку неровно зашила...» или: «Лифчик ей не по размеру», или «Красивые волосы», «Духи хорошие» и тому подобное. Надо сказать, нередко это и определяло мои отношения с девушками, сразу задавая тон.

Привилегия расти в обеспеченной семье, давала нам много возможностей: у нас был видеомагнитофон «Электроника» и я, конечно, имел возможность доставать кассеты для него, большинство из них, я брал на время у многочисленных друзей и приятелей. Поэтому мы пересмотрели большинство фильмов ещё до бурного теперешнего расцвета видеосалонов с их придурковатым подбором фильмов вроде бесконечных боевиков и эротики. А мы же смотрели и Бертолуччи, и Бергмана, и всего Тарковского, и Кубрика, и Оливера Стоуна и многих и многих других. Причём, большинство фильмов пришлось смотреть без перевода, но... и в этом оказалось преимущество – натренировало нас с Майей английский лучше любых репетиторов.

О фильмах мы спорили, бывало. Но нравилось нам одно и то же, поэтому и спорить было о чём. Из-за «Танго в Париже», мы едва не поссорились, даже мама вмешалась и заставила показать фильм ей. Мы переглянулась с Маюшкой, и посадили её смотреть, ожидая, что же будет...

Посмотрев в полной тишине весь фильм, мама поднялась с кресла в моей комнате, снимая очки и убирая в очешник

из коричневой пластмассы, поддельвающийся под роговой:

– Ну-у... я... – мама, конечно, смущена оказалась до предела. – Гадость какая...

– Бабушка, да ты что! – воскликнула Майя, горячась. – Какая же гадость?! Это великий режиссёр.

– И что? Тебе вообще рано такое смотреть... Но... какие-то извращения... – она посмотрела на меня. – Куда ты глядел Илья, показываешь девчонке...

Маюшка закатила глаза в стиле всех подростков, которых достали нравочениями «предки».

– Это не об извращениях вовсе история, – подал голос, и я в поддержку Маюшки и Бертолуччи.

– Какой-то немолодой дядька и девушка, и только...

– Какой «дядька»? Это Марлон Брандо! Да и не в том дело...

– Разврат и мерзость! – мамины брови взлетели почти до мыска на лбу.

– Это не о разврате! О потере себя, любви... молодости, может быть. Он потерялся...

– Ничего не знаю! Гадость!

Словом, спорили до хрипоты два дня. Все втроём. Я больше слушал, мнение директора школы на эту тему и не могло быть иным, а вот Маюшкино мне было интересно. Удивительно, что и на этот раз она разглядела то, что не сразу заметил я.

Бурю я завершил, сказав, примиряя бабушку и внуку:

– Если мы второй день говорим об этой картине, значит, она уже талантлива – это, по меньшей мере.

Мама посмотрела на меня, очевидно, прозревая в чём-то и кивнула, улыбнувшись:

– Вот с этим соглашусь, пожалуй, поборники свободы.

После смерти отца, главой семьи стал Виктор, но я не очень-то признавал его авторитет, по мне так человек он был куда мельче отца, который прошёл войну, и награды в несколько килограммов так и оттягивают до сих пор его пиджак оставшийся висеть в шкафу у мамы в спальне. Она перебралась в его кабинет, а их спальня на втором этаже стала комнатой Майи. Так второй этаж нашего дома и стал нашей с ней территорией, куда никто из взрослых уже и не вторгался. Я Майю будил по утрам в школу, у меня мы смотрели видик, играли на гитарах, болтали и слушали музыку.

Вот как раз из-за этого я и пришёл искать паяльник: надо было припаять в бобинном магнитофоне контактик, а паяльник пропал из ящика для инструментов в чулане, где всегда лежал. Для чего он мог понадобиться Маюшке? Мне стало любопытно.

Я вошёл к ней в комнату, поднявшись по привычно скрипнувшей на четвёртой и восьмой ступеньках деревянной лестнице с фигурными балясинами. С тех пор, как однажды едва не упала, мама не держала здесь ковровой дорожки. А Лидия и Виктор вообще наверх никогда не поднимались.

У Майи комната больше моей, но зато из моей есть бал-

кон с пожарной лестницей, что при моей золотой жизни вещь просто необходимая. Не знаю, что бы я делал, не будь этого спасительного пути для моих ночных гостей и для меня, когда я приходил под утро. Я привык жить довольно свободно примерно с десятого класса. И ограничивать себя не намеревался.

– Зачем тебе понадобился паяльник? – спросил я, подходя к Майе, сидевшей за письменным столом.

И, подойдя ближе, я увидел, что она не только паяльник узурпировала, но и тиски, и пассатижи, и напильник, и большую разделочную доску с кухни, как это мама не заметила, странно. В тисках у Маюшки был зажат перстень, который она увлечённо обрабатывала напильником с тыльной стороны.

– Тебе паяльник нужен? – спросила она, не оборачиваясь. – Можешь забирать, я уже всё.

Сам паяльник тут же – концом в банке с канифолью, дымит потихоньку, распространяя тот самый запах, что и привёл меня сюда.

– Что ваяешь-то, ювелир? – усмехнулся я.

– Нечего смеяться, перстень будет, щас лишнее стесаю, и... – она улыbnулась, оглядев свою поделку с улыбкой, почти любовно.

Всё в ней как у всех нас в семье, и всё не так. Все мы сероглазые и светлокожие, с прямыми русыми волосами, даже Виктор, будто наш кровный родич той же среднерусской по-

роды. Но Майя отличается во всём по чуть-чуть. Она тоньше в кости, немного темнее волосами, но светлее кожей, хотя куда светлее, кажется, никто не загорает толком, но, может быть это от контраста между цветом волос и кожи. Чуть-чуть коротковатая полная губа, приоткрываясь, показывает зубки с маленькой расщелиной, которую я когда-то не позволил выравнивать «пластинкой», настаивая, что это настоящее украшение, которого тогда никто не мог понять. Лида ругалась, а я спорил, и Маюшку убедил так, что она просто не далась ортопедам. И глаза у неё какие-то большие, при этом темнее, в яркий синий тёмный цвет, а из центра, вокруг зрачка расходятся оранжевые лучики, как солнышко.

Вот сейчас я, стоя почти у неё за спиной, вижу, как оттопыривается широкий ворот свитера, обнажая шею. Пучок растрепался немного, тонкие пряди выбиваются из узла, и особенно вокруг него, на виски и шею. Я, вытянув губы дудкой, подул на них, чтобы, пошевелив, щекотнуть ей кожу и отвлечь от этой чудной работы. Майя повела плечом зябко, смеясь тихонько от щекотки:

– Ну, подожди, Ю-Ю, щас...

Она так и зовёт меня с того, малышкового своего времени «Ю-Ю», редко когда назовёт Илюшей ещё реже Ильёй. И голос у неё мягкий, высокий, немного треснутый, будто она чуть-чуть осипла. Всегда приятно слышать его звук.

Сдула опилки со своего произведения. Посмотрела на него со всех сторон, потрогала, внимательно ощупывая.

– Ну вот...

И надела на пальчик. Господи, пальчики-то... напильник ещё берёт.

Крупный камень зеленовато-серого цвета замерцал на её тонком пальце. Очень приличный вид. Ни за что бы не подумал, что это такой вот смешной Самоделкин сделал.

– Откуда камень-то взяла?

– Из брошки вон, – она кивнула на ополовиненную брошку, лежащую на столе рядом, продолжая любоваться своим произведением.

– Испортила брошку, – усмехнулся я, рассматривая её.

– Ничего не испортила, – возразила Маюшка, привстав и показывая мне задумку: – сейчас эту часть отломаю, спилю острые углы, и будет нормальная брошь.

– Дай посмотрю, – сказал я, протянув руку к её пальцам.

Пальчики с мягкими подушечками, ноготочки маленькие. У меня небольшие руки, но Маюшкины пальчики кажутся хрупкими даже в моей ладони.

– Придётся подарить тебе кольцо, – сказал я.

– Да нет моего размера ничего, – отмахнулась Майя.

– Поискать надо, – улыбнулся я, отпустив её.

Я обернулся: скрипнула, открываясь, дверь, это вошла Серка, наша кошка. Всех котов и кошек Майя называла любимыми именами от Юлек до Шурок, вот и Серками, только не Васьками. В школе у неё был приятель Васька Метелица, и она не хотела обижать его, он бывал у нас иногда.

Серка, подняв пышный хвост, похожий на перо страуса, прошествовала к кровати, и, запрыгнув, стала моститься на белом пледе вместо покрывала, чтобы улечься.

Маюшка, пользуясь размерами комнаты, отодвинула кровать от стены, и теперь она у неё стояла к стене только изголовьем, а подойти можно с обеих сторон. Это я сплю на тахте, чтобы могли помещаться и посещающие меня подружки, а у Маюшки кровать принцессы, только балдахина не хватает. Хотя... я спросил её однажды, сделала бы?

Маюшка задумалась, а потом сказала:

– Наверное, всегда хотела представить, как это, как в сказке спать. Но знаешь... по-моему, я задохнулась бы через неделю под этими занавесками!

Я понимаю. На стенах у неё несколько плакатов-рисунков. Она сама нарисовала на ватмане гуашью ещё в шестом классе. Жутковатая вампирша, космические путешественники, какие-то планеты, всё это на чёрном фоне, конечно. Потом появился и плакат с Металликой, жёлтого цвета, где вместо правильного названия группы написано: «Alcogolika» и довольные рожи музыкантов. Плакат очень дефицитный, мне продал его приятель вместе с кассетами самой Металлики и AC/DC, за четвертак – очень дорого.

Учебники убраны в неустойчивую стопку, я вижу, и дневник среди них в красной клеёнчатой обложке.

– Кончилось полугодие-то? Как оценки, уже выставили?

Маюша засмеялась, поглядев на меня:

– Один ты и интересуешься.

– Не преувеличивай, – улыбнулся я, хотя знаю, она не преувеличивает вовсе, училась всегда хорошо, и бабка об этом знает, поэтому родители не беспокоятся.

– Нормально, без сюрпризов, – ответила Маюшка, выключая паяльник из розетки, наконец, перестанет дымить канифолью на весь дом. – Заберёшь? Тебе-то зачем понадобился?

– Да шипеть стал наш «Техас», контакт распаялся, – «Техасом» мы называли наш великолепный Теас, сокровище, помимо кассетного Grundik'a.

Я смотрю на неё, румянец какой-то чересчур и глаза блестят.

– Ты не заболела?

– С чего это ты взял? Что ж мне перед каждым Новым годом болеть? Нет.

А Маюшка и правда часто болела на Новый год. Завод кончался что ли?

– У тебя планы-то какие на праздник? – спросила она.

Я пожал плечами, до Нового года оставалась пара дней, а я не решил, отправиться мне к друзьям на обычное застолье, потому что ничего интересного, кроме пьянки никто не планировал. Или польститься на вызывающее у меня сомнения приглашение на чью-то дачу в компании коллег. Звонила ещё давнишняя моя подружка, муж уехал в командировку, и звала к себе на романтическое свидание. Пожалуй, и выберу её, и не напьёшься сильно и приятное развлечение с

гарантией.

Маюшка улыбнулась на моё небольшой замешательство с ответом. Я протянул руку, и поправил выдвинувшуюся из пучка шпильку. Маюша, перехватила мои пальцы:

– Что там?

– Шпилька вылезла.

– Ты концы подстрижешь мне?

– В парикмахерскую сходи, нашла тоже цирюльника.

– Да я сходила однажды, помнишь, они мне Аллу Пугачёву сделали.

– Это называется «Каскад» – засмеялся я, забавно она рассуждает всё же...

– Да плевать, как этот ужас называется, только не доверюсь я больше нашим «мастерам». Концы-то, а Ю-Юшек? – она поглядела на меня с улыбкой.

– Ладно. Сама-то пойдёшь куда? Или с предками будешь «Голубой огонёк» смотреть?

– Да вроде собрались с ребятами. Не знаю ещё... Оксанка к себе зовёт.

– И сколько вас?

– Мальчишек человек пять и нас столько же. Если Вася пойдёт, и я пойду.

Я усмехнулся. Они дружат с Метелицей с шестого или с пятого класса, когда он пришёл к ним в класс и их посадили за одну парту. Хороший он парень, и учится хорошо, но мать сильно пьёт, а отца вовсе нет. Это мама рассказывала

вполголоса Лида:

– Хороший мальчишка, Лид, но... мать того и гляди родительских прав лишат, – со вздохом говорила мама. – Отец от водки помер, теперь она туда же. Удивляюсь, как он учится так хорошо.

– Ты же говорила, он второгодник, – сказала Лида, не очень-то участвуя в разговоре. Как всегда усталая и... кроме того, у моей сестры есть над чем размышлять и без мальчишек из дочкиного класса. – Потому и учится хорошо, он же старше...

– Где ты видела, чтобы второгодники хорошо учились? – усмехнулась мама, качая головой. – Нет, Лида, просто он толковый мальчик, жаль, что семья так подкачала. Учиться надо и дальше. А как учиться с такой мамашей...

Не знаю, волновали ли Маюшку перспективы её приятеля, но до некоторых пор кроме него она вообще ни с кем не дружила в классе. В последние пару лет появились эти девочки: Оксана, Света и Галя. Мама хорошо в них разбиралась, а я всё время путаю.

Глава 2. Особенный человек

Мне не повезло. Ужасно не повезло. Просто на редкость. Начать с того, что я рыжий. То есть мне хотелось бы считать, что я блондин, но всю жизнь меня дразнят рыжим. Продолжилось невезение тем, что меня называли Василием, что может быть хуже для мальчишки? Я понимаю, что в честь деда – героя войны, но ведь это знаю только я. Вдобавок фамилия у меня женского рода – Метелица, так что сами понимаете, любителям жестоких розыгрышей и шуток в отношении меня предоставляется обширное поле деятельности. И потому пришлось выращивать кулаки, чтобы не спускать обидчикам. И толстую кожу, чтобы не позволять ранить себя.

Тем более что есть у меня куда более серьёзная причина думать о том, что мне на удивление не повезло – моя мама редкий день бывает трезва. Она не опускается ещё до того, чтобы пить, где и с кем попало, но запах перегара, нетвёрдая походка и мутный взгляд – это то, к чему я привык и уже давно. И привык ждать, что она придёт без этого. Я привык надеяться. Я привык думать об этом. И привык к тому, что мои надежды рушатся каждый день. Но мне не повезло не с мамой, моя мама – лучше всех в мире, всех добрее, красивее, всех дороже, мне не повезло с тем, что она пьёт.

Ещё хуже только то, что она приводит мужчин в нашу комнату в двухкомнатной сталинской коммуналке. В такие

ночи мне кажется, что я живу в аду. И если бы не наш сосед Иван Генрихович, я, наверное, сбежал бы из дома. Но пожилой одинокий преподаватель из института, что через дорогу от нашего дома, однажды застав меня на кухне, уснувшим над учебником, стал звать к себе в такие вечера. И раздвижное кресло-кровать стало моим пристанищем в такие ночи.

Иван Генрихович стал позволять мне брать книги из своей библиотеки, которая загромождала его большую комнату с эркером. Собственно говоря, кроме книг, тут почти ничего не было: старый кожаный диван, на котором он спал, стол возле, четыре стула, телевизор и «моё» кресло. Всё остальное пространство, больше двадцати квадратных метров, занимали книжные шкафы. Они стояли рядами, всего пять.

В последний год мы с Иваном Генриховичем занялись составлением каталога. Моему пожилому другу нравилось моё общество. Он любил мне рассказывать о себе, о прошлых временах, своём студенческом прошлом. Но главное о математике, своей любимейшей науке. Благодаря ему и я полюбил её. Разглядел её красоту, и даже поэтичность.

Но не одной математикой заполнена жизнь Ивана Генриховича, Достоевский, Толстой, Гоголь и Пушкин – особенно, мне кажется иногда, что он наизусть знает их произведения. Русская литература – вторая его любовь, после математики. И литература всего остального мира – третья. Других я не наблюдаю, с тех пор как мы с мамой живём в этой квартире, почти четыре года. Он и не упоминал, ни разу, что у него

есть или была семья, ни о женщинах, что могли быть. Я ничего об этом не знаю.

– Это ты пришёл, Василий? – спросил Иван Генрихович из кухни. – Хлеба купил?

– Да, – я разулся и, ещё не сняв куртки, прошёл на кухню.

– Пельмени на ужин будут, – улыбнулся Иван Генрихович, доставая пачку из морозилки. И я поэтому понял, что мама явилась и не одна. Потом только я расслышал и голоса из-за двери нашей с мамой комнаты. Ясно всё...

Я вижу, что пельмени, что Иван Генрихович пытается отделить от картонной пачки, смёрзлись в некое подобие серого коралла...

– Давайте я, Иван Генрихович, – сказал я.

Мои пальцы достаточно сильны и ловки, чтобы разделить их. И вот уже закипает вода в жёлтой кастрюльке с одним подкопченным боком. Иван Генрихович улыбается, глядя на меня.

– Куда на Новый год, Вася?

– Хотели к девочке одной, ребята из класса, – сказал я, бросая пельмени по одной, в мягко булькающий кипяток.

– Хорошо. Обязательно иди.

Иди... я уже и деньги приготовил, мы сговорились сброситься по три рубля. Привык откладывать, не тратить на чепуху. Мама давно уже переложила на меня хлопоты по домашнему хозяйству, отдавала мне половину зарплаты каждый месяц. Продукты мы стали покупать на троих с Иваном

Генриховичем. И даже посуда теперь уже стала общей.

Но одеваться, как хотелось бы, было непросто. Джинсы стоят двести, а то и двести пятьдесят рублей на барахолке в Москве. Футболки, кроссовки... я уж не говорю о какой-нибудь куртке-«аляске». Так что экономлю я на всём.

Отца я не помню. Они были женаты с мамой недолго. Но она успела привыкнуть с ним к спиртному. Они разошлись, когда мне было три или четыре года. А когда он умер, мы и переехали сюда из Воскресенска. А мама тогда стала пить уже по-настоящему. И мужчины начались тогда же. До этого мы жили довольно уединённо, с бабушкой. Но когда мама узнала, что отец умер, она не смогла оставаться больше в Воскресенске. А теперь, три с лишним года спустя она будто гонит всё скорее свой поезд под откос.

Быть новичком в классе – это отдельная история, даже тот, кто никогда новичком не был, представляет, что это такое...

На второй год я остался в Воскресенске, как раз, когда мама начала пить. В шестом классе, я, напуганный этим и растерянный, перестал не то, что учить уроки, а просто ходить в школу... А тут и переезд подвернулся.

Я пришёл в шестой класс в середине второй четверти, тринадцатилетним, похожим на бездомного щенка, который уже хорошо знает, что такое улица. За прогулянный год я успел набегаться и по подвалам, и по чердакам, увидел и бездомных, и пьяниц всех мастей и понял, что вариант у меня до-

ма не самый худший. И из дома больше не бегал, поняв, что маме рассчитывать кроме меня не на кого. Или я просто повзрослел за этот год от двенадцати до тринадцати лет.

Поэтому, войдя в новый класс, я сразу оценил обстановку. Если новичок не заявит о себе как о задире, быть ему или битым или забитым.

Мне было проще, я был старше всех на год. Но главное, я был гораздо старше внутри. Эти детки в новеньких костюмчиках и платьицах, ещё не заношенных с начала учебного года, не знали, не только как их штопать, но даже как гладить. А я уже научился планировать семейный бюджет, чтобы не только хватило на всё, но ещё и было что отложить.

Так что, оглядевшись по сторонам, заметив по лицам, отреагировавшим на мою фамилию и имя, объявленные учительницей, кто мои главные враги, я сразу разработал в голове стратегический план. Ещё, во время урока я обратил внимание, кто здесь чувствует себя почти так же, как и я, то есть не из героев или героинь класса. И заметил маленькую, меньше большинства, уже потянувшихся в рост, девчонок, очень худенькую девочку. Она сидела за третьей партой, отодвинувшись чуть ли не на самый край, потому что её сосед, дюжий белобрысый пацан, не оставлял ей совсем места и наслаждался своим господством. Косички с зелёными ленточками, платьице, фартучек с крылышками, ничего особенного в ней не было, кроме, может быть, этой миниатюрности. Она была тут одна, как и я: ни с кем не разговаривала, ни

на кого не смотрела. Только я был сильный, а она, очевидно, слабая. Сила всегда заметнее на фоне слабости.

Поэтому на перемене я самовольно пересел к этой девочке, выкинув портфель её соседа. Когда он в возмущённом недоумении подошёл к парте, я встретил его насмешливым взглядом, будто говоря: «И?!»

– Ты чего это? Госпожа Метелица? – прогудел он.

– Господин Метелица, – поправил я. – Чё те, мордатый?

– Это моё место.

– Поднял зад, потерял место, – ответил я, усмехнувшись.

Боковым зрением я вижу, что подтягиваются и другие, и девочка эта стоит в нерешительности в нескольких шагах от парты. Глаза здоровущие. Прямо чудные какие-то глаза...

– Эй, ты, новенький, это место Морозова, – сказал кто-то.

– Был Морозов, стал Метелица. Ещё есть вопросы?

– Слезай, второгодник.

Я ничего не ответил, сумку мою они не тронут, она зажата между моим животом и краем стола.

– Да он в Кошкину влюбился! – крикнул кто-то, и покатились со смеху.

Кто-то толкнул Кошкину, теперь я знаю как фамилия глазастой девчонки, дёрнули за косу, развязался бантик, нарочно сделано именно так, чтобы развязать ленту... Она взялась за косу невозмутимо и молча, перебирая маленькими пальцами, завязала капроновую ленту, расправив, чтобы помятость легла на помятость, и бантик стал, как был.

– Эй, Майка-Майка, где твои трусы?! – её снова толкнули, уже под общий хохот, сдёрнув и лямку фартука.

Вот и момент истины – я мгновенно встал и двинул обидчику глазастой Кошкиной, так неожиданно и сильно, что тот полетел по проходу, роняя книжки с парт. Класс онемел, будто выключили звук. Слышно было, как покатила по какому-то столу и упала ручка, мягко чпокнув по линолеуму.

– Кто тронет Кошкину, голову оторву! – сказал я, негромко, можно было бы прошептать, все услышали бы.

– Да ты чё?.. – задохнулся чей-то голос

– Хулиган... – протянула какая-то девочка, словно догадалась, кто перед ней

– Уголовник!

– Второй раз не повторяю, – сказал я и снова сел за парту, уже спокойно доставая учебник и тетрадь из сумки. Теперь точно никто не посмеет даже подойти.

Кошкина подошла и села на своё место за партой рядом со мной, поправив стопочку своих книжек, что были побеспокоены дракой. Она не глядела на меня.

Тут и звонок прозвенел, вошла учительница, оглядела нас:

– Мальчик, ты... как фамилия? – удивилась она, заметив пересадки. – Кто Морозова пересадил?

И тут неожиданно Кошкина подала голос, подняв голову:

– Это Тамара Иванна сказала, чтобы новый мальчик тут сидел на всех уроках, – сказала удивительная девочка очень

спокойным ровным голосом.

Неясный шорох прошёл по классу, но никто не возразил. А я смотрю на девчонку, которая даже не подумала на меня взглянуть до сих пор, и думаю, что я очень ошибся: она не слабачка, она просто отдельно от всех. В подтверждение этой моей мысли, она, дождавшись, когда учительница, стала писать тему урока на доске, чуть повернув голову, сказала тихо-тихо:

– Спасибо, – и глядит. – Меня ещё никто не защищал. Меня Майя зовут. Кошкина.

Я, скрепя сердце, назвалса тоже, представляться трудно:

– А я – Вася Метелица.

По её лицу прошла маленькая тень удивления, не слушала, когда меня перед всем классом представляли?

– Какое красивое имя. По-моему, самое красивое из всех, – и глазища улыбаются, но не насмешливо.

Сказала это всё и отвернулась к доске. А я смотрю на её профиль с маленьким вздёрнутым носиком. Волосы лёгкими тонкими волнами на висках, русые, даже тёмно-русые. Ресницы пушистые... странно потеплело у меня внутри. Всяких красивых девочек мне встречалось и нравилось много, но эта вроде и не красивая вовсе. Или такая красивая, что не верится. Какая-то... непонятно. Но так приятно, что она сидит рядом...

Обалдеть, никто ещё, что в прежней школе, что в прежнем дворе не называл меня по имени, все только хихикали

и придумывали прозвища, упражняясь в изобретательности и остроумии. И уж тем более, никто не говорил, что у меня красивое имя. Никто так не считал.

Это как ничто придало мне смелости и уверенности. И ещё то, что она кажется такой странной и совсем не похожей ни на кого. И принимает меня, и я ей... нравлюсь?..

Своей цели я добился идеально: теперь все меня считали чуть ли не малолетним преступником и даже дыхнуть боялись в моём направлении. Ну, и в Кошкином тоже. Я ведь решил быть последовательным и пошёл её провожать в тот же день.

Она жила намного дальше от школы, чем я, мы, разговаривая о Воскресенске, о прежней и теперешней школе, дошли до конца длинной улицы, ведущей под уклон и нависающей над озером и лесом, которыми кончался с этой, западной, стороны наш городок. Оказалось, что у них довольно большой старинный двухэтажный дом с небольшим старым садом вокруг. Мы вошли в калитку, весёлая серая дворняга бросилась нам под ноги, вертя хвостом и напрыгивая толстыми коротким лапами на её пальто. Кошкина засмеялась, ласково отталкивая собаку:

– Найда, перемажешь меня! Вот понюхай, эта Вася, мой друг.

Найда, вертя всем телом вместе с хвостом, подошла ко мне и, обнюхав чёрным носом, посмотрела в лицо. Мне показалось, и она улыбается.

– Большой дом у вас, – сказал я, удивляясь. Раньше я не был знаком с людьми, которые живут в отдельных двухэтажных домах. Да и домов таких я видел не слишком много.

– Большой? – она пожала плечиком, и вместе со мной посмотрела на дом, не задумываясь раньше над этим? – Ну... Нас тут много, раньше больше было, но дедушка умер. Теперь пятером живём. Мама, папа, бабушка и дядя Илья. И я. Кошка ещё. Да вот, Найда.

Я засмеялся. Так забавно показалось, что она и кошку с собакой к членам семьи причислила. Дом, на мой взгляд, действительно, большой: широкие окна, во втором этаже тоже. Крыльцо на четыре ступеньки. Она открыла дверь длинным ключом с двумя лопастями как весло.

Прихожая с рогатой старинной вешалкой, через узкие окошки по бокам входной двери сюда проникал дневной свет. Но мы, сняв верхнюю одежду и разувшись, прошли дальше в большую-пребольшую комнату с тёмно-зелёными стенами, большими шкафами со стёклами, низким диваном и тремя креслами, тут же большой овальный стол под скатертью с кистями и большой раскидистой хрустальной вазой посередине. Часы, в рост взрослого человека, мерно и уютно оттикивали в углу, поблескивая маятником и тремя гириями за ребристым стеклом.

Эта комната была как вся наша квартира величиной. Сюда выходили ещё несколько дверей, коридор уводил, как потом оказалось, на кухню, и ещё деревянная витая лестница со

второго этажа, где и была комната Майки.

По коридору этому я никогда не ходил, он вёл к спальням родителей Майки и в комнату её бабушки, а наверх мы поднялись. На втором этаже были две комнаты её и её дяди, и ванная с туалетом. На площадке между дверей комнат стоял узкий диванчик с витыми ножками, стоящий спинкой к широкому окну, сидели они тут когда или нет, не знаю. Дверь в дядину комнату была открыта, и я увидел, что она довольно большая, там стояла широкая тахта, накрытая пушистым пледом и много подушек. Книжный шкаф, наподобие того, что был у Ивана Генриховича, только с красивыми дверцами со стёклами со скосом по периметру. Телевизор. Письменный стол с книгами и журналами в несколько стопок, некоторые были и на полу, два низких уютных кресла и дверь на балкон. Пахло сигаретным дымом... и духами немного. Хотя форточка была приоткрыта и окно, без тюля здесь, заливал скупой осенний свет. Видимо запахи въелись и не выветриваются уже.

– А где твой дядя? – спросил я, разглядывая через дверь, очевидно, мужское логово, по-холостяцки строгое, но уютное. Гитары, проигрыватель и целую стопку виниловых дисков, которые мне захотелось немедля рассмотреть...

– Он учится в Москве сейчас, уже пятый курс.

– Там живёт?

– Там общежитие есть, но... он ездит домой. Раньше реже ездил, практику в это лето у мамы проходил, к ним пойдёт

в районный роддом.

– Роды принимать?! – изумился я. Ничего себе, вот это дядя чудной... или они все чудные?..

– Что ты так удивляешься? Благоднее ничего на свете нет.

Я посмотрел на неё, вполне убеждённо говорит. Поспорить сложно.

– Ты тоже медиком хочешь быть?

– Врачом, да. И тоже пойду в акушерство. Как мама. Там свет с Небес у них... – просто и не рисуясь, сказала она и улыбнулась такой просветлённой, такой удивительной улыбкой, что я ещё раз удивился, как мог подумать, что она забитая девчонка. Она не просто отдельно, она над всеми. Потому и не любят её. Но она не заносится, она парит. Н-да...

– Пообедай со мной, Василёк? – сказала Кошкина. – У нас фасолевый суп. Одной так скучно есть...

– А кто готовит? Мама? Или бабушка?

– Не-ет, – усмехнулась она, махнув рукой, – они заняты. Марь Иванна приходит два раза в неделю. И убирать. Раньше жила ещё какая-то тётенька, но умерла, я её плохо помню, я была маленькая. Теперь Марь Иванна.

Мы зашли в её комнату. Комната большая, с двумя большими окнами. Тут как раз тюль есть, но портьер не было, не от кого закрываться, напротив домов нет, а вид... Я ахнул: видно и озеро, и тёмная волнистая масса леса за ним. Кажется, летишь. На дельтаплане.

– Я люблю смотреть туда. Здорово, правда? – она заметила, как я замер у окна. – Из моих окон такой вид, да ещё с диванчика, что на площадке... Внизу загораживают деревья. От Ю-Ю можно тоже увидеть, но не так как здесь. Хорошо, что мы над обрывом почти, никакой дом перед нами не построят уже...

Она улыбнулась, выкладывая книжки из портфеля на письменный стол. У неё и кровать чудно стоит – у стены только изголовьем. Но тут просторно, можно места не беречь, из мебели-то только и есть что кровать, старинный шкаф, какой-то узорный, от двери направо, платья там, наверное, у неё. Книжные полки, тоже за стеклами. Тут ни телевизора, ни магнитофонов, проигрыватель с детскими пластинками: «Бременские музыканты», «Золушка», «Чебурашка», что там ещё... перед проигрывателем пустое пространство на ковре сидит здесь и слушает? На таком ковре можно, толстый, мягкий...

– На мои пластинки смотришь? Ещё недавно слушала, а сейчас... Но Ю-Юшка разрешает к нему в комнату ходить, слушать его маг и диски брать тоже. У него там!.. – она сделала мечтательное лицо, показывая какой Клондайк у её дяди всевозможных музыкальных записей.

– Что, Сан-Ремо? – усмехнулся я. Тогда все слушали итальянцев.

– Да нет, он рокер. Accept, AC/DC, Iron Maiden, Motorhead... Но я люблю Led Zeppelin. И Роллингов... А

ещё мотоцикл у него есть. Мне обещал шлем купить, как четырнадцать лет исполнится. И разрешить с ним ездить, – улыбается задорно.

Куда ей на мотоцикл? Как блоха, сдует и всё...

Мы спустились вниз на кухню, где, как и везде в этом доме, всё основательно и не как у нас дома, не как у всех, а так, будто целые века в этом доме ничего не менялось и ещё века не изменится...

С этого дня Майя Кошкина стала для меня особенным человеком. Друзей в прежней школе и во дворе у меня было много, в новом появились вскоре новые, но Майка Кошкина – не друг, не какая-то там любовь, как дразнились наши одноклассники, ничего такого я не чувствовал. Нет, она – особенный человек. Такой была до сих пор только мама, теперь вот Иван Генрихович и Майка.

Глава 3. Легкость и путаница

Странно, до чего легко мне было с ней с первого дня. И ей со мной. Она так и говорит:

– Ты как будто нарочно к нам в класс пришёл, Василёк.

Стала называть меня Василёк, как звали в детсадовском детстве. Я не был таким уж придумщиком и называл её просто Майка. Я нередко бывал у неё в гостях, в этом их доме, как правило, никого из её близких не было, все всегда работали. Когда я узнал, что её бабушка – это наш директор, Татьяна Павловна Туманова, я понял отчасти и её отстранённость от остальных и то, почему ребята ревниво и недоверчиво относились к ней. Но и Майя не стремилась сблизиться.

Дядя её учился в Москве, уезжал то на всю неделю, то на два-три дня, благо ехать на электричке сорок минут. Я с ним познакомился скоро. Мне он нравился. Во-первых: он был молодой, и мне всё время казалось, он наш ровесник, во-вторых: выяснилось, что многие из его увлечений, музыкой, мотоциклами, разделяю и я. Только у меня мотоцикла не было пока.

Но бобинную «Язузу», магнитофон с большущими катушками я всё же купил, брал теперь записи у приятелей и спекулянтов и переписывал. Для этого мы приносили два магнитофона и включали один на воспроизведение, второй – на

запись. Качество, конечно, оставляло желать... но фонотека у меня скопилась очень даже приличная. Вначале я был всеяден, значительно позже начал разбираться. Отрадно было, что и Майке нравится тяжёлая музыка, как мне.

А вот кассетник – это недоступная мечта, как и мотоцикл, как бы я ни экономил. Но видимость благополучия я всё же сумел создать, чтобы хотя бы внешне выглядеть если не равным Майке и большинству моих одноклассников, то вполне, как говорят, на уровне.

Пришла мысль заработать. Самое простое – это фарцевать значками, кассетами, плакатами или футболками. И я попробовал было. Но... бизнесмен я оказался бездарный: накручивать цену не умел, ловчить и обманывать тем более. В общем, едва не остался в убытке. Так что пришлось с мечтой о быстрых и лёгких деньгах попрощаться. Но зато с позапрошлого лета меня уже брали в грузчики. Вагоны я не разгружал, не буду врать, но в соседнем магазине ночным грузчиком, отлично подрабатывал. Дядьке, что был оформлен там официально, потому что я был несовершеннолетний, я отдавал четверть зарплаты, которые он радостно и быстро пропивал, но остальные были мои. Об этом знал только Иван Генрихович. Ни маме, которая бы расстроилась, ни Майке, директорской дочке и внучке из дома с двумя ваннами, мебелью из настоящего дерева и хрусталём, я всё же стеснялся сказать. В ней я уверен, она-то поймёт, но одобряют ли дружбу с голодранцем, как я, её «предки», я сомневался.

Сама Майка не придавала никакого значения деньгам и другим материальным вещам, как и все люди, привыкшие ни в чём не нуждаться. У неё денег никогда с собой не было, она их не считала, вообще жила так, словно коммунизм уже построили. Меж тем, как он зашатался и начал осыпаться, раскачиваясь, как ненадёжно и бестолково построенное здание на затрясшейся почве при бегущих в панике обитателях...

С шестого класса до девятого в Майке произошли перемены, которые теперь заставляли мальчишек смотреть на неё уже не как на объект для травли, а... вот тут мне не хотелось бы думать, что желания. Потому что это самое желание проснулось во мне самом. И это тяготит меня и заставляет считать, что я грязный тип.

Я углубился в изучение этого вопроса, благо, книг на эту тему у Ивана Генриховича немало, как и на любую иную. И запутался окончательно.

По одному выходило, что я не должен стесняться своего естества, а именно оно говорило во мне всё громче с каждым днём. А по другому... Майка для меня особенный человек, а я начинаю смотреть, как обстоят у неё дела пониже пояса фартучка, между складок ставшей вскоре короткой юбки, как расходятся эти складки при движении, приподнимаются, застревая на секунду на ягодницах, как приподнимается юбка, показывая мне бёдра, если она поднимает руки или наклоняется.

Я смотрю на её шею под косой, на эти лёгкие прядки во-

лос, что колышет сквозняк или моё дыхание, когда я чуть ближе наклоняюсь, чтобы сказать ей что-нибудь. На её губы, как они улыбаются или она покусывает их, задумываясь, и знаю, она их мажет вазелином зимой, чтобы не трескались... Но иногда они всё же трескаются и шелушатся, а иногда глянцево блестят, будто чуть надувшись изнутри... Или они так блестят потому что... ох...

А крылышки фартучка спереди, стали приподниматься и я смотрю под это крылышко сбоку и думаю, что на физкультуре посмотрю, в лифчике она или...

И она пахнет уже не конфетами и булочками как раньше, а как-то тоже по-новому... Горячим заливает мне лоб, щёки и горло, я глупею и заставляю себя отвернуться и не думать, что вот она повернулась назад, а юбка поднялась выше и виден краешек другого плетения на её прозрачных колготках...

К тому же моё вечное невезение продолжилось: к пятнадцати годам я покрылся прыщами. Каждый багрово-красный «вулкан», что я обнаруживал с утра в мутном зеркале в ванной, приводил меня теперь в отчаяние. К счастью, у нас в школе очень либеральные нравы, поэтому я отращивал волосы, чтобы хоть как-то скрываться за ними. Конечно, пришлось выслушивать критические и даже едкие замечания учителей по этому поводу, но мне всё же было легче за этим «занавесом». К тому же теперь это стало модно и соответствовало моим увлечениям музыкой.

С Майкой мы так и сидели вместе на всех уроках. Я не звал её к себе в гости, стесняясь. Стесняясь всего.

И подъезда нашего, который в год, когда мы переехали, был симпатичным, выкрашенным в светло-голубой цвет, хорошей масляной эмалью, а прошлой весной его покрасили ужасной тёмно-зелёной краской без блеска, которая сохла к тому же месяц и нацепляла на поверхность за это время пыль, мусор и мух. Мало того, теперь она уже начала облупляться и подъезд, который и раньше не был особенно похож на красивый парадный вход, теперь вообще стал страшным. И лампочки-то начали вставлять самые тусклые. И «птиц» спичками на потолок насажали, кто, не ясно, из подростков тут жил только я, все считали, что я и есть этот хулиган...

Словом, привести Майку, при всём её демократическом всепонимании в наш «чудесный» подъезд и в квартиру, пропахшую, в отличии от её, не хорошим табаком и духами, а впитавшимся в стены пивным и водочным выхлопом, я не мог. Я стыдился и мамы, по которой с каждым днём становилось ясно, что она сильно и ежедневно пьёт. Но ещё больше стыдился этого своего стыда. Получалось, я стыжусь самого дорогого человека... От этого я становился противен сам себе... и, бывает по вечерам, глядя в зеркало, я с ненавистью выдавливаю проклятые прыщи и думаю о том, что я самый ужасный, самый страшный, самый отвратительный и отталкивающий человек на земле.

Это не так. Василёк Метелица – самый лучший на свете человек. Ну, ещё Ю-Ю. С первого дня, когда Вася сел со мной за одну парту, поддавшись непонятному для меня тогда порыву. И остаётся до сих пор и всегда будет.

Меня невзлюбили одноклассники, едва узнали, что я внучка директора школы. Это было в начале второго класса, вдруг с каникул все вернулись совсем другими в отношении ко мне. Тут же начали приписывать мои хорошие отметки «блату», а меня считать шпионкой и, чёрт его знает, чем ещё. Разубедить их мне было нечем, я и не стала утруждаться. Заставлять кого-то любить себя, что может быть глупее и неблагодарнее: не нравлюсь я вам ну и Бог с вами, вы тоже мне не очень-то.

Так и было все шесть лет, я привыкла и к дразнилкам, и к тычкам, и к тому, что и девочки не стремились ходить со мной под ручку в столовую или с урока на урок. Даже анкеты, что было в шестом классе очень модно передавать друг другу, мне давали в последнюю очередь или не давали вовсе. В этих тетрадках положено было отвечать на разнообразные вопросы о любимых артистах, музыке, фильмах, книгах и прочем. И мои ответы, по-моему, привели в замешательство и непонимание. Led Zeppelin, Висконти и Хельмут Бергер никому из девочек интересны и даже известны не оказались, так что, думаю, репутация придурковатой чудачки ещё плотнее закрепилось за мной.

Но к восьмому классу ситуация стала сильно меняться.

Ю-Ю закончил институт и вернулся домой и многие стали часто видеть меня с ним, а Ю-Ю всегда нравился девочкам, не зря выбрал комнату с пожарной лестницей, по которой беспрепятственно поднимались и спускались по ночам его бесконечные подружки. Одной единственной девушки у него так и не было. Поэтому, когда он вернулся из института, а я уже стала достаточно взрослой, чтобы можно было взять меня на рокерские сэйшны, он стал брать меня с собой, смеясь, всегда представляя своей девушкой. Большинство его друзей отлично знали, кто я, кто не знал, косились немного на меня, малолетку, но возражать не смели. А сам Ю-Ю, по моему, нарочно скандалился таким образом, чтобы умерить немного аппетиты своих приставучих подружек.

Они звонили ему день и ночь, и не было дня, чтобы он не просил меня говорить, что его нет или он уехал. Удивительно, наш Ю-Ю никогда идеально красивым не был, и вообще, мне сложно было когда-либо смотреть на него, со стороны, поэтому я не могу оценить, почему вокруг него такой девичий ажиотаж. Конечно, он хорошо одет и приятно пахнет, у него классный мотоцикл, как говорили все, разбираться я стала позже, мотоцикл, который ещё, оказывается, надо было достать, как и шлемы, у него был чёрный, а мой чёрный с зелёными всполохами пламени: «Ваще клёвый!», как говорят.

Он носил длинные волосы по моде, они у него были гладкими и блестящими, и не лохматились, как у всех, он много

внимания уделял их красоте, надо сказать, не меньше, чем я своим. Да больше! Мне достаточно было вымыть голову. Он же опасался, что они могут начать выпадать, поэтому берёг, ухаживал, регулярно подстригал, держа одну и ту же длину за плечи. На работу завязывал аккуратный строгий хвост. Но в свободное время и волосы были свободны.

И одежда: только джинсов у него было два десятка пар, кроссовки разных цветов, ботинки, а в последний год появились дорожные ковбойские сапоги, которые наши знакомые называли почему-то «казаки», хотя непонятно, какое отношение они могут иметь к казакам?

– Ты и мне бы купил такие, где ты их достаёшь... – сказала я, разглядывая его обнову.

– Тыща, Май, но... если, правда, хочешь... – он посмотрел на меня своими прозрачными голубыми глазами, оценивая, правда ли я хочу такие сапоги.

– О-го... За тыщу... наверное, не хочу, – усмехнулась я.

Но Ю-Ю купил мне такие сапоги на моё пятнадцатилетие прошедшим летом. Они были из коричневой ребристой кожи, похожей на крокодиловую, со скошенными наборными каблуками и без всяких пошлых шпор или подковок. Я носила их с платьями, которые нашла сама из цветастого ситца, с отделкой домоткаными кружевами и шитьём. Чего доброго в магазине «Ткани» было не купить, а копеечного ситца и такого вот кружева, сколько хочешь, хотя шитьё бывало в дефиците. Ну и с джинсами носила, конечно. Ю-Ю отдал

мне свою старую косуху, что давно была ему мала и хранилась как некий раритет среди старых вещей в гардеробной на первом этаже, он никому не позволял покушаться на неё. Теперь пригодилась.

В школу, конечно, всю эту прелесть было не надеть, я по-старому носила коричневое платье с чёрным фартуком, в то время как мои одноклассницы переоделись в новомодные синие и серые костюмы. На мой взгляд, уродливые до предела. Старомодные платья мне были больше по душе. И косу я носила с коричневой шифоновой лентой. А иногда распускала волосы и перехватывала той же лентой наподобие ободка. Ну и всевозможные пучки были моими любимыми причёсками. Хотя держались они у меня плохо, вечно я хожу лохматая...

Но Вася Метелица, прекрасный рыцарь. С первого дня именно так. И никаких прыщей на нём я не видела. И знаю, что девчонки сохли по нему, даже со мной начали дружить, больше потому что он со мной дружит. И модной я у них неожиданно стала. Тут и Ю-Ю со всеми своими достоинствами и герой Метелица.

И то, как он проявил себя с первого дня, поставило его на недостижимый пьедестал для всех, никто так смело и так дерзко не вёл себя. И слухов о нём напустили сразу столько, что диву оставалось даваться на силу фантазии моих одноклассников: и то, что он из колонии вызволен матерью, поэтому второгодник. И что отец у него уважаемый зек, как

они выражались «вор в законе», что это такое, впрочем, я так и не разобралась, но теперь уже и болтать об этом перестали.

Потом девчонки, на которых он так и не обращал внимания, стали мстительно радуясь, рассказывать, что отца у него никакого нет, а мать сильно пьёт и на заводе её, счетовода, просто жалеют и держат только потому, что она мать-одиночка.

Но всё это и куда подробнее я знала и от бабушки. И об отце, и о матери, и о том, что он подрабатывает грузчиком, чтобы как-то существовать, потому что зарплаты счетовода на них с матерью было немного. От меня он скрывал и материнское пьянство, и свою трудовую деятельность, почему-то считая, что это повредит ему в моих глазах?

А мне же наши чистенькие мальчики, с причёсками каре, или нагеленными чёлочками, узенькими галстучками и масляными глазками, посещающие репетиторов три раза в неделю или хулиганистые бездельники, слоняющиеся по улице и примыкающие к странным молодёжным «бандам», наоборот, казались отталкивающе самодовольными, скучными и противными сопляками. Ни силы, ни огня я не чувствую, ничего привлекательного в них не замечаю.

А Вася... не знаю, считается ли это «быть влюблённой», но, наверное, именно это я и чувствую к нему. Мне приятно, когда он рядом, когда я ощущаю его взгляд, слышу его голос, мне с ним интересно, потому что он прочитал столько книжек, о которых я и не слышала, что иногда самой себе кажусь

дурочкой. Но он читает, а я много смотрю кино, и рассказываю ему об этом, и иногда Ю-Ю позволяет нам смотреть в его комнате видик. Однако, Вася, всё же больше читатель и мыслитель, чем зритель. Мне приятно видеть безупречно красивые «картинки», особенно у Висконти, например, или Тарковского. Глядя на всю эту красоту, вслушиваясь в музыку, пересматривая в двадцатый раз, я начинаю чувствовать, ещё не понимать, но чувствовать, философию, что глубочайшие люди вложили в свои произведения...

Мы много говорим и о том, что происходит вокруг нас сейчас. Два последних года все мы зачитываемся «Огоньком», устраивая споры, полунанучные диспуты на уроках истории в школе о роли личности в истории и, в частности, культ личности. О том, сколько всего и как было в нашей стране, не будь революции, Ленина, Сталина, Гулага и прочего.

А вне школы... С Васей мы почти не обсуждали эти обличения, все эти публикации, ужасались и всё. Смотрим и по телевизору тематические программы. И чувствуем себя попавшими в какой-то странный мир: мы вступали в комсомол в прошлом году, гордясь, что становимся причастными к героической части молодёжи, ближе к Павке Корчагину, «Молодой гвардии», Зое Космодемьянской и другим сотням героев, имена и подвиги которых мы помнили с самого нежного детства. Бабушка моя историк, рассказывала мне обо всех этих героях ещё в детсадовском возрасте. Так что я как

с родными выросла с ними вместе. А теперь мы приходим к тому, что идеалы, за которые они умирали, посвящали свою жизнь, были ложны?! Что тогда хорошо? Мы выросли, зная это, но теперь это знание – ложь?

– Нет, – сказал мне на это Вася. – Они за Родину, за Россию погибали, пусть и назвалась Советским союзом с 22-го года. А разве важно с хоругвями шли на смерть или с красными звёздами на будёновках и пилотках, разве это важно?

Я задумалась над его словами. Ну, во время войны – да, а в Гражданскую?! Офицеров целыми баржами топили...

Но Васю не смутил и этот вопрос:

– Думаю, белые не сильно отставали. Лазо сожгли же в топке – факт... и он что один такой? В том и ужас гражданских войн.

– Ты Солженицына читал? – спросила я его как-то.

– Да, самиздатовскую полуслепую книжку. «Ивана Денисовича», – сказал Вася. – Ну и «Архипелаг...», конечно. Он, по-моему, больше публицист... больше, чем художник.

Так я и узнала о чудесном Васином соседе Иване Генриховиче, у которого была сокровищница-библиотека. Васе книги брать позволялось сколько угодно, а вот давать каким-то девчонкам... я не решилась бы даже попросить.

Я попросила Ю-Ю достать.

– Что это вдруг? Модный поток подхватил тебя? – усмехнулся Ю-Ю. – Платонова почитай лучше... Но если так хочешь, достану я тебе Александра Исаевича.

– А ты сам читал?

– Я начал, ужаснулся всем, потом устал ужасаться, потом мне стало скучно... Короче, я не дочитал, – сознался Ю-Ю. – Так что не модный я и замшелый.

Но я не отстала так легко:

– Вот ты же комсомолец, Ю-Ю, что...

– Ты что хочешь услышать, Май?

Он окончательно отвлекся от журнала, который читал перед моим приходом. Отложил его на пол возле кресла, в котором сидел. Качнул головой, эффектно отбросив волосы за плечо, тяжёлый шёлк – его волосы, мои другие – лёгкими волнами... Он посмотрел на меня, глаза заискрились.

– Кинулся бы я как Матросов? Если не было бы иного выхода – да, кинулся бы, а что делать?

– Хорошо, когда спасать товарищей, или там семью, или даже не семью... а... Это ясно. Это все люди так. А вот... вот Боярку эту несчастную узкоколейную пошёл бы строить-гробиться?

– Как Павка? – улыбнулся Ю-Ю. – Знаешь, Павка для меня – это своеобразный Святой, только не за Христову веру, а за веру в идеалы, которые хороши-то всем. Только... – он опустил глаза, на сложенные перед грудью пальцы, вытянул губы, размышляя или подбирая слова, сразу резче обозначились у него скулы и квадрат подбородка, – только после Павки пришли Бездарность и Безграмотность и в конце концов Безверие. Так что... – и большие пальцы разошлись в сто-

роны, – они Боярку строили, чтобы люди с голоду и от холода не умерли, так что простая логика. Всё та же. Никаких противоречий с нормальной человеческой нет. Называем это комсомольской или коммунистической доблестью или нет, это уже решает время...

Но яснее мне не стало. Глядя и слушая «Взгляд», и множество других передач по телевизору, документальных фильмов, я терялась, всё глубже погружаясь вместе со всеми в отторжение всего коммунистического...

Глава 4. Новый год

Новый год. Сегодня мы с Ю-Ю наряжаем ёлку внизу. Здоровенную, до потолка, как всегда, привёз папин водитель. А сам папа до сих пор ещё не приехал. Как и мама. Бабушка сегодня дома и то хорошо, хлопочет на кухне, запахи уже поплыли по дому. Яйца варятся для оливье, запахло уже и коржами для Наполеона... И, конечно, мандариновый дух. Ёлка и мандарины – настоящая Новогодняя атмосфера.

Ю-Ю принёс стремянку, иначе мы ёлку не нарядим. Они вместе с Михал Иванычем установили дерево в ведро с влажным песком. На этом Михал Иваныч уехал домой, а мы с Ю-Ю занялись самым приятным, что может быть под Новый год: украшением ёлки. Достали с антресолей старые коробки из-под люстры и сервиза – в них от зимы до зимы живут ёлочные игрушки, укрытые слоем мишуры, и разложились на полу в гостиной.

– Придумал, куда пойдёшь? – спросила я, доставая мишуру и глядя на Ю-Ю, оценивающего, ровно ли стоит ёлка.

– Там гирлянда должна быть, давай сначала лампочки, – сказал он, а потом ответил всё же на мой вопрос: – Не решил. Дойдёт до того, что с Лидкой и Витькой буду «Голубой огонёк» смотреть...

Он обернулся:

– А ты, я видел, и платье уже достала... и ресницы, вон,

навела.

Хихикает. Любит подшучивать надо мной. Но мне нравится, что он не относится ко мне серьёзно, как родители и бабушка.

– Твоя-то Ирочка-дырочка весь телефон оборвала уже звонками. Пойдёшь? – я тоже смеюсь, подавая ему гирлянду, попутно разворачивая длинный шнур. Мы каждый год, снимая её с ёлок, тщательно сворачиваем, чтобы не путались провода.

Он вздохнул, не отвечая, залез на стремянку. И, пока при-страивал лампочки на душистых ветках, сказал:

– Принеси лучше удлинитель, Май, а то вешаю, а она может, не горит, проверить надо.

Маюшка легко встала с пола, разогнувшись, старые джинсы, что носит дома, растянулись и висят на бёдрах и коленках. Или похудела?..

Идти к Ирине и правда не хотелось, но сидеть с Лидой и Виктором – ещё меньше. Если бы Маюшка осталась дома, остался бы и я. А так... сегодня мне будто нарочно перед Новым годом пришлось застать вначале сестру с её хахалем, а после и зятя...

Но по порядку. Тридцать первое декабря, суббота, даже мама дома с самого утра. Я с дежурства, сдал его на планёрке и зашёл к Лиде в кабинет, чтобы сказать, что не останусь на праздничное застолье в отделении, а пойду домой отсыпаться. И что же? Молодой ординатор-хирург, старше меня всего

на пару лет, то есть младше Лиды минимум на тринадцать, и Лида целуются, даже дверь не удосужились на ключ закрыть.

– Извините, Лидия Леонидовна, – сказал я, отвернувшись к двери и выходя уже. – До вечера, я домой...

– Да-да, Илья Леонидыч... – немного растеряно пробормотала Лида.

Мне стало противно. О её отношениях с нашим начмедом знали все, и я, и даже мама, уже лет пятнадцать. Этот служебный спокойный роман не мешал ни нашей семье, ни его. Но что это такое?! Я и сам люблю пофлиртовать с молоденькими и не очень молоденькими медсёстрами и докторицами, и встречаться вполне, наверное, можно было бы, если бы у меня были другие принципы, поэтому я и не думаю осуждать её. Но противно: целоваться при открытых дверях, особенно, если ты заведующая, это уж я вам доложу...

Я не завожу романчиков на работе. Длительных и серьёзных – не с кем. А краткие интрижки станут после вредить работать. Поэтому все мои похождения – вне стен больницы. И так деваться некуда, иногда мне кажется, что девушки и женщины размножаются каждый год каким-то почкованием, где спрашивается, все были, пока я был школьником? Ведь девчонок было столько же, сколько мальчиков, в некоторых классах даже меньше, откуда столько их берётся теперь на моём пути?

Я очень легко влюбляюсь. Прямо с первого взгляда всякий раз, но и остываю так же скоро. Мне становится скуч-

но, не о чем говорить или просто не хочется, даже с самыми умными вроде бы, как казалось при знакомстве. Начинают умствовать или умничать, я впадаю в хандру, и всё моё воодушевлённое либидо с грустью опадает. А с глупенькими мило и забавно поначалу, а потом становится так одиноко, будто я Робинзон, который вместо Пятницы так и остался с попугаем...

Так что с девушками у меня всё как-то не очень складывается. Мама говорит, что это, потому что их слишком много и я даже не даю себе труда приглядеться. Но в том-то и дело: едва я начинаю приглядываться, мне хочется сбежать. Соединиться с кем-то только, чтобы не бегать в поисках новых, для некоего постоянства, но для чего это постоянство? Для регулярного секса? Не захочется никакого секса, если ни капли влечения. Или выключить свет и воображать себя с кем-нибудь из знаменитых красоток? Может, все так и делают, кто по сто лет живёт вместе. Но мне это не улыбалось. Чем, как Виктор иметь под боком нескольких женщин или как Лида, лучше я буду свободный «лётчик». Хотя бы без постоянной лжи.

Вот поэтому, а ещё от отвращения, овладевшего мной на сегодняшний день к замужним развратницам, мне и не хотелось к Ирочке, с которой мы встречались раза три, когда её муж бывал в отъезде... Ещё решит, что мы с ней пара... Ещё мужу задумает объявить что-нибудь. А я не знаю даже, к примеру, есть ли у них дети. Она вроде говорила что-то,

ничего не помню...

Я приладил верхушку, тройная остроконечная луковица серебристого цвета сантиметров тридцать длиной всё же маловата для нашей ёлки-великанши. И где Виктор только взял такую? Небось, в какой-нибудь подшефный детсад две привезли.

Зазвонил телефон. Маюшка, стоявшая на полу, посмотрела на меня, снизу вверх:

– Ты есть?

– Спроси, кто, – сказал я. – А вообще... нет, нету меня. Ещё подумаю и сам позвоню тогда.

Но это звонил Виктор, сказал, что приедет к восьми. Достойны друг друга с Лидой. Ещё в обед мама послала меня в магазин с целым списком, там я и увидел через витрину Виктора с пигалицей, чуть ли не Маюшкиной ровесницей... Вот такая чудная семейка.

Настроение ни к чёрту. Наконец, явилась Лида. Вошла, оглядывая ёлку, потряхивая головой, оправляя ровное каре, чуть примятое норковой шапкой, как ни в чём, ни бывало трясёт её в руках, красивая, глаза блестят. Что ж, романы молодят и украшают всех, в наступающем году моей сестре будет сорок, как и Виктору, мне двадцать пять, маме пятьдесят девять, а Маюшке – шестнадцать. Стариков у нас нет. Отец умер, так стариком и не став, ему было шестьдесят семь.

– Красиво, – сказала Лида, оглядывая ёлку, – не слишком много игрушек?

– В самый раз, – ответил я, спустившись, и оценивая, что получилось, снизу.

– Ты... – Лида посмотрела на меня, краснея чуть-чуть.

– Меня не касается, – отрезал я, не глядя на неё.

Не хватало ещё обсуждать это со мной... Провалитесь вы!

Лида успокоено отвернулась опять к ёлке.

Снова зазвонил телефон.

– Что скажешь, Ю-Ю?.. – Маюшка посмотрела на меня.

– Status idem, – ответил я.

– И что зовёт тебя как немтырь всё «Ю-Ю»? – проговорила недовольно Лида, глядя вслед дочери.

– Пусть как хочет, зовёт. Ей можно, – сказал я, ещё к Маюшке цепляться будет?

– Всё разрешаешь ей, деньги такие тратишь на неё, балуешь. Женился бы лучше на ком-нибудь, – нахмурилась Лида.

– Кому лучше? – удивился я, выразительно посмотрев на неё.

– Ой, да ну вас, делайте, что хотите! – Лида поморщилась, отмахнувшись от меня, и направилась в коридор к ванной или своей комнате. Вот и иди.

Нет, встречать с ними тут праздник, это я изведусь. Пожалуй, надо всё же позвонить Ирочке. Не мне ли и звонили? Я посмотрел на вошедшую Маюшку. Она ответила взглядом:

– Это меня, Оксанка спрашивала, кто шампанское покупает...

– И кто?

– Да купили уже, опомнилась, – Майя махнула рукой.

– Много?

– Много – три бутылки, много – напьёмся... Только не говори «предкам» ...

Я усмехнулся про себя и направился к себе в комнату, где у меня тоже был телефон. Всего по дому было три аппарата. Всё же два директора тут. Когда я поднимался по лестнице наверх, услышал, как хлопнула входная дверь, и потянуло морозным сквозняком, окно наверху у меня открыто. Виктор пришёл. Желать ему Доброго вечера мне не хотелось, поэтому я не стал останавливаться.

А мой Новый год срывается. Я понял это, когда застал маму почти без сознания, упавшую на пол в промежутке между моим диваном и её. Я испугался. Такого ещё никогда не бывало. И было от чего пугаться...

Я наклонился, чтобы поднять её. Но она очень бледная и мокрая от пота почти не могла открыть глаз.

Я поднял её на кровать и бросился к Ивану Генриховичу. Тот мгновенно начал вызывать «скорую».

– Мама, мамочка... – почти в отчаянии бормотал я, держа маму за руку и глядя в её бледное лицо, не в силах сказать что-нибудь, кроме этого, ни одной мысли, кроме страха.

Тут телефонный звонок. А ведь я Майке обещал, что мы вдвоём пойдём к ребятам. Это должен был быть первый Новый год вне дома. Но сейчас я забыл и об этом. Иван Генри-

хович ответил за меня.

«Скорая» повезла маму в больницу. И мне позволили ехать. Я остался в Приёмном покое вместе с ещё несколькими такими же ожидающими кто чего. Страшно так, что мне, кажется, весь снег, что напал за декабрь на улице, сейчас у меня в груди. Страшно. Если мама... если мама... Я боюсь даже думать это слово... Меня отправят в детдом... если мама... Я останусь совсем один. Бабушка не интересовалась нашей жизнью, довольная, что мы уехали из Воскресенска подальше от неё. И к себе она меня, конечно, не возьмёт. Больше у меня нет ни одного родственника.

Чёрная дыра разверзлась передо мной, и затягивает меня в себя. И так живу в безысходности, а тут ещё чернее чернота... Я наклонился вперёд, опирая голову на руки. Я не в силах сидеть ровно и спокойно. Ещё немного и я лучше сам умру.

Но что-то мягкое и тёплое коснулось меня, словно накрыли тёплым. Я поднял лицо. Майка. Майка...

– Твоей маме лучше. Всё будет хорошо, мне сказали, сейчас будет спать, а завтра тебя пустят, – она и глазами греет, у неё солнце там.

Она села рядом со мной. Я чувствую прикосновение её острого плеча, перекинула куртку на руку, в джинсах, в свитере каком-то здоровенном, она дома так ходит, я видел.

– Меня тут знают, я прошла... – сказала Майка.

Теперь мне стало стыдно. Страх своего. За себя ведь бо-

ялся, не за маму. И не думал вовсе, что умирать в тридцать семь лет, несправедливо и противоестественно. Что она, несчастная до того, что не имеет совсем сил жить, убивает себя каждый день этим проклятым спиртным. Убила бы разом, но я держу, наверное... Мама, мама, прости, что я такой эгоистичный, такой слепой и чёрствый сын... И что я ничего не могу сделать для тебя.

– Идём, Василёк? – сказала Майка.

– Куда? – спросил я, разгибаясь, напугавшись, что скажет, как ни в чём, ни бывало: «Идём на Новый год».

– Домой. Я побуду с тобой до утра, пока тебя к маме не пустят.

– Не надо... – пробормотал я, вспомнив, что дома не убрано, что там...

Но Майка возразила:

– Да надо! Друзья нужны на что-то, – Майка улыбается спокойно и ясно, что спорить бесполезно, решила, что нужна мне сейчас зачем-то, значит так и будет.

Идти недалеко. У нас в М-ске всё, в общем, не далеко, за полчаса пройдёшь город из конца в конец. До моего дома от больницы пятнадцать минут ходу. Снег размяк, и ноги проваливаются в жидкую водно-снежную кашу. Машин уже нет, все утроились встречать Новый год. Интересно, который час?..

Маме легче... Значит, весь ужас отменяется?

Завтра пустят. Увижу... и всё будет по-старому.

Но чем мы ближе к дому, тем я растерянное становлюсь, Майка, которая пахнет какими-то чудесными духами, волосы шёлком по плечам, в куртке этой красивой с белым воротником, войдёт в нашу с мамой комнату...

А там...

– Слушай, Май, а... Может, я тебя домой провожу? – сказал я.

Ей станет противно со мной, если она узнает. Увидит всё.

– Или к ребятам? – закончил я.

– Что мне делать с ребятами без тебя?! Ты что? И дома я сказала, что пошла к тебе до утра. Так что никто меня не ждёт.

Я соврала, дома я ничего такого не говорила, я просто убежала, когда Иван Генрихович, которого я знала только по телефону, ответил вместо Васи и сказал, что Вася поехал с мамой в больницу... Вот я и побежала, успела только куртку надеть. А то, что ему нельзя одному сейчас – это по лицу видно. Ещё казнит себя, думает он плохой сын. Разве можно человеку одному в такую минуту?

Так что мы пришли, наконец, к ним.

Я не бывала никогда в домах, где живут крепко пьющие люди. И первое, что прямо ударило меня – это запах. Противный кислый запах перегоревшего в человеческом теле спирта и выдохнутый, выпущенный с мочой, испражнениями. Их нет, они смыты водопроводом и канализацией, а вонь сохраняется, впитываясь в ткани, обои, в поролон диванов и

перо подушек. Даже в сами стены и пол.

Но бедность и беспорядок, недопитая бутылка какой-то коричневой бурды у ножки дивана, не смущают меня, меня смущает стыдливая потерянная Васи.

– Ты теперь... будешь думать... – поговорил он. – Что у меня... что я... что мы... в каком-то алкашном притоне живём...

– Никакого притона я не знаю, – сказала я, откуда мне знать, какие они притоны эти? – И ничего я не буду ничего думать, я знаю всё давным-давно, – сказала я.

– Знаешь?! – изумился Вася.

Он удивился этому куда больше, чем, когда увидел меня в больнице.

Да, я знаю. Я знала, но я не думала, что это так ужасно. Что это так мерзко. Я никогда не видела притонов и здесь, конечно, никакой не притон, но всё же... Бедный Вася... как же он живёт? Моя собственная жизнь показалась мне райским приключением: столько человек любят меня, заботятся обо мне, а он совсем один лицом к лицу вот с этим ужасом. С этими запахами, с этой старой мебелью, с протёртой обивкой и продавленными подушками, с этим полинялым дырявым линолеумом на полу. Зачем здесь линолеум, в коридоре – паркет. Одна моя куртка стоит, наверное, дороже, чем вся тутошняя обстановка.

Мне стало стыдно, что я живу так хорошо. Так богато, я никогда не задумывалась раньше над этим.

– Как Анна Олеговна?

Мы обернулись на голос. Я увидела высушенного, ещё не старого человека в очках с толстенными стёклами. Это и есть, наверное, Иван Генрихович.

– Здравствуйте, – машинально проговорила я.

– Здравствуй, девочка, – ответил он, вскользь глянув на меня.

А Вася сказал ему:

– До завтра не пустят. Но сказали – лучше. Это Майя, Иван Генрихович, Майя Кошкина, познакомьтесь.

Сушёный очкарик удостоил всё же взглядом:

– Вы – Майя? – почему-то удивился он.

Чему он удивляется? Мы же никогда раньше не встречались. Странно. Но он долго не стоял возле нас, сказал ещё что-то Васе и исчез за дверью, тоже обшарпанной и грязноватой, как и всё здесь.

– А знаешь, что я делаю, если мне страшно или я волнуюсь и не могу найти себе места? – сказала я.

– Что? – пробурчал Вася, которому сейчас вовсе не было до этого дела.

– Я берусь за уборку! Давай приберёмся? Твоя мама придёт, а дома чисто, ей будет приятно. Мама любит, когда дети убирают.

Он посмотрел на меня:

– Правда, так думаешь?

Ничего я не думала, и Анну Олеговну мне хотелось жалеть

в последнюю очередь, тем более что я никогда её не видела, а она довела свой дом до такого свинства. И своего сына до такого отчаяния в глазах. Но надо же было что-то делать, тут и сесть-то негде, если всё тряпьё не убрать.

Всегда в фильмах разнообразные героини, приходя впервые в дом к мужчинам, устраивают уборку, меня раздражали эти повторяющиеся сцены, я всегда думала, что это глупо и неприлично: явилась и давай хозяйничать, порядок наводить. Но сейчас ничего другого просто не оставалось. Да и Вася же никакой не мужчина, Вася мой друг.

Часть 2

Глава 1. Разноликий праздник

То, что Илья застал нас с Георгием, досадно, но не смертельно, он, конечно, никому не скажет, а его презрение не очень-то меня задевает. Да и не боюсь я, что он скажет. Узнает Виктор, и что? Что он сделает? Что он может сделать, директор Приборного завода, крупнейшего предприятия в городе, член горкома. Что он сделает? Разведётся что ли? Пусть молится, чтобы я не развелась с ним за его бесконечные амуры... Так что, руки у меня развязаны.

Вот только Игорь бы не узнал. Игорь Владимирович, старость уже постукивает в твои окна, седины на волосы надела, весу прибавила на всегда стройное тело. А Георгий – молод, если Игорь прознает, не поздоровится ни мне, ни ему. Придётся в Москву ездить работать. Георгию-то это только повод отсюда, из М-ска свалить, а я, стану на электричке туда-сюда мотаться. Надо осмотрительнее всё же... А вот и Виктор, дверь входная лопнула.

Я вышла из ванной, едва не столкнулись с Виктором.

– О, привет.

Я смотрю на жену. Что-то очень довольной выглядит. Я-то еле отделался от Вики, надо же взяла в голову, вместе Новый

год встречать... Но почему так выглядит Лида? И не смотрит в лицо, и румянец на щеках... не иначе, новый хахаль. Ах, Лида, всё одно и то же... Столько лет у нас всё одно и то же. Дочь уж невеста, а мы так и не повзрослели, всё будто черно-вик пишем, будто вот-вот прекратим, и будет контрольная.

Я смотрю на себя в зеркало. Как странно видеть своё отражение снова спустя какие-то полчаса после того, как смотрелся в зеркало в ванной у Вики, в её кривоватое зеркало в розовой пошловатой оправе, плитка ребристая с коричневатым деграде, модно что ли? Или налепили, что достали, как и все... Это у нас в ванной старинный белый кафель, глянцевый, с маленькими чёрными вставками и зеркало большое, я вижу себя почти во весь рост. И выгляжу я здесь куда значительно и даже интереснее. Во какой – красивый даже. А в тускловатой ванной у Вики – настоящий обормот, какой-то потрёпанный развратник...

Я закончил намыливать руки, смыл пену. После праздника надо с Викой развязываться, не то надумает себе что-нибудь лишнее.

Я вышел из ванной. Хлопнула входная дверь. Кто это ушёл?

Я заглянул на кухню. Татьяна Павловна сразу на двух столах хлопочет над стряпнёй.

– О, Виктор, пришёл, переодевайся, помоги-ка, картошку почистить надо. Уж извини, все разбежались куда-то, – сказала она, вскользь взглянув на меня.

– Куда же только еды – удивился я, оценивая масштабы готовки, – нас сегодня трое всего, как я понял.

– А завтра опять пятеро будет. Ты, не разговаривай, Витюша, время не тяни.

Я увидел, как Маюшка метнулась на лестницу и так быстро, что только кончики волос мелькнули, как кончики крыльев. Я выглянул, вижу, она в домашнем побежала, не переоделась:

– Ты куда понеслась-то? Стряслось что? – только и успел я крикнуть ей в спину.

– Там... Вася... Ох, Ю-Юшка, потом расскажу! – даже не взглянула и исчезла внизу.

Через несколько секунд стукнула входная дверь. Надо же, как несётся, на ходу, на улице одеваться будет. «Вася», ишь ты... Я почувствовал что-то такое, что-то, чего не знал никогда раньше. Что это, почему мне нехорошо от того, что Маюшка побежала к своему приятелю? Что такого? Какой противный сегодня день!..

Я подошёл к шкафу, что надеть-то... Чёрт, позвонить вначале надо, а то собираюсь, а может там никто не ждёт меня.

Нет, ещё пока ждёт и даже обрадовалась. Ох, лучше бы послала. Похоже, я сегодня сам не знаю, чего хочу...

Ёлка необыкновенно красивая сегодня, как никогда. Хорошо, что такая высоченная, под четырёхметровый потолок,

как мечта из детства. И игрушки ребята развесили здорово. В этом году мы с Маюшкой забыли по нашей с ней традиции новых игрушек купить, всегда покупали, с тех пор как ей исполнилось пять, а в этот год... как же это я забыл? Нехорошо как-то. В каком классе Маюша? В восьмом? Или уже в девятом?

На заводе план выполнили на семьдесят восемь процентов, подводят поставщики, как ни ругался я, каких не отправлял проход-снабженцев к ним, какими только обещаниями взаимозачётов не обольщал, вплоть до личной заинтересованности, но они так и не пошли навстречу. Тринадцатая зарплата повисла в воздухе. А премии вообще сорвались и это перед Новым годом. Пришлось выдать из резервов...

– О, вы уже чистите картошку?

Лида зашла на кухню, потянулась за фартуком. Стройная талия, красивая грудь, волосы блестят. Она всегда радуется глаз, я люблю её уже за это: приходишь домой и видишь вот такую Лиду...

– Покемарить бы перед Новогодней ночью, – сказал я, взглянув на неё. Лида не ответила взглядом, только улыбнулась.

– Майя уходит? – Лида спросила Татьяну Павловну.

– Ушла уже, – это Илья заглянул в проём, тоже уже готовый к выходу, только куртку застегнёт.

Всегда о Майе знает больше, чем мы все. Они там наверно давным-давно живут своей отдельной от нас жизнью. Я о

том, что они вместе катаются на мотоциклетные рокерские сборища, узнал только этой осенью, и то, увидев мотоциклетный шлем у Маюши под мышкой, когда она входила в дом. Она с удивлением заявила, что с тех пор, как Илья вернулся после института, редкие выходные они не бывают на этих сомнительных собраниях.

– Это зимой перерыв, а летом...

– Тебе-то это зачем? – изумился я, разглядывая мою дочку, больше похожую на барышню из старинных времён, чем на современную оторву.

– Пап, ты чё?! – ещё больше изумилась Маюша моему вопросу.

Я совсем не знаю мою дочь. Я встречаю её каждый день, но я её не вижу. И чем, и как она живёт, я не знаю. Но, так у всех...

Оттепель. Новогодняя оттепель, что может быть гаже?.. Под ногами сырость, ботинки промокнули точно, приду с мокрыми ногами. Хорошо, носки чёрные, хотя бы не будет видно. Но оставлю мокрые следы на полу. У Иры светлый линолеум, может быть, не заметит? И что пошёл, на такси надо было... но такси не дождёшься в Новогодний вечер. Десять уже. Всё сегодня отвратительно, даже погода...

Хотя бы цветов надо было купить, подарка никакого. Хорошо конфеты были, шикарная коробочка, вино тоже, палка салями, почти неприлично, не будь всё это в дефиците. Из

презентов моих пациентов. Завален весь дом моими и Лидиными, то, что я домой приношу – это процентов десять, а остальное в ординаторской остаётся и оседает у сестёр. Работа в родильном и дежурства в гинекологии, операций много, иногда по пять за ночь... На работу третьего, опять дежурство...

Я увидел белые жигули, изрядно заляпанные в грязи, поднял руку, голосуя, может, подвезёт, идти близко, но уж больно не хочется с мокрыми ногами являться...

– На Пионерскую подбросишь?

– Трояк.

– Грабёж, – сказал я, забираясь внутрь.

Три рубля за пятиминутную поездку – это не просто грабёж, это гангстерское нападение.

Расплачиваясь, я зашуршал пачкой презервативов в кармане, край выглянул наружу, водила ухмыльнулся:

– Запасся?

– Времена тяжёлые, Чума двадцатого века тянет костлявые руки, – ухмыльнулся и я.

– Разве у нас есть?

– Неохота на себе проверять-то, верно? – я отдал ему трёшку. – С Новым годом!

– Ну и тебя, ходок!

Выбрался я прямо в мокрющий сугроб. Теперь ещё и штаны мокрые будут до колен. Тьфу! Герой-любовник в мокрых портках! Хоть назад возвращайся...

Я с энтузиазмом взялась за уборку Васиной комнаты. Тут не было так грязно, как мне показалось с первого взгляда, но разбросано всё и...

– Лампочки слабые у вас, Вася, а? Нет других-то? – спросила я, поглядев на люстру в три рожка.

– Да есть, – сказал Вася. – Сейчас принесу.

Когда мы вкрутили лампочки по сто ватт в вымытые и протёртые до блеска плафоны, убранная комната стала совсем другой. Очень простая и скромная, теперь она выглядела вполне симпатичной и даже уютной.

– Слушай... – я вспомнила, что купила сегодня утром несколько игрушек на ёлку и забыла их достать из кармана куртки, как раз этой, что была на мне сегодня.

Так и есть: два мишки, розовый и оранжевый, и зелёный то ли кот, то ли... в общем, неведома зверушка.

– Вася, там, на улице, я видела ветка от ёлки, видимо отломилась у кого-то, может, принесёшь? Вон, у подъезда, погляди.

Я подошла к окну, чтобы показать ему. Уже через две минуты у нас была настоящая ёлка.

– Ты знаешь, у нас с папой каждый год традиция покупать несколько игрушек на ёлку. Хоть три штуки, любых, самых уродливых, но обязательно. Ходили числа тридцатого... А в этом году, он забыл, все дни приходил поздно, я его и не видела. Так что сама купила...

– А я отца вообще не помню, – сказал Вася, садясь на диван возле меня. Мы привыкли так сидеть, четвёртый год так сидим за одной партой.

Пока убирались, нам обоим стало жарко, он снял свитер и остался в майке, и на мне футболка. Даже форточку открыли.

– Как его звали?

– Андрей. Андрей Метелица. Они разошлись с мамой, когда мне... я не знаю, сколько мне было, но я не помню, чтобы мы когда-то жили вместе. А потом он умер, и мама... Она любит его до сих пор, – сказал Вася, сложив большие руки вместе. И когда у него успели сделаться такие большие руки? И волосы на них, вот это да, я и не замечала...

– Ты думаешь, она поэтому?..

– Не знаю... Нет... Они... вместе тоже поддавали. Но как он умер... Мы и переехали сюда из-за этого. Она не могла ходить по тем улицам, где уже нет его.

Он говорит так, что...

– Это мама сказала тебе? – дрогнула я.

Я не ожидала услышать подобное, мне всегда казалось, что люди пьют просто потому, что они порочны от природы. А тут Любовь... Сам Вася вдруг поднялся на много-много ступенек вверх в моём представлении о нём. Мало того, что он, оказывается, плод огромной любви, так он ещё и понимает свою маму без слов. Он не несчастный, он сильный мальчишка, у которого чуткое сердце, способное ощутить горе, и

разбитую любовь, и глубину отчаяния, которые царят в душе его матери. Не эгоист и слепой себялюбец, как положено быть подростку.

– Нет, мне не пришлось спрашивать. Она вообще не говорит о нём. И фотографий у нас нет. То есть у бабушки остались с их свадьбы, но тут нет... Мама плачет по ночам иногда... – тихо добавил он. – Думает, я не слышу...

Я коснулась его руки пальцами, мне кажется, ему необходимо сейчас моё прикосновение.

Она тронула меня за руку. А пальчики у неё такие... маленькие, и влажные немного... Я повернул голову.

Майка совсем рядом, чуть подняв плечи, и мы на моем диване, который мы не раскладываем, мне места хватает и так, а если разложить, в комнате станет не пройти. Майка смотрит спокойно, и улыбается немного. А под натянувшейся футболкой чуть расплющились мягкие соски её груди...

Я вошёл в спальню, зная, что Лида уже здесь, Татьяна Павловна тоже прилегла отдохнуть. Сейчас девять. Свет приглушен. Только бра, накрытое косынкой, светит тёмно-жёлтым сквозь неё. Лида лежит очень ровно, подбородок задрала немного. Не спит, я вижу...

– Ох, Витя... – она засмеялась тихонько, не отвергая моих объятий.

И за это я люблю её тоже, не ломается никогда. Не знаю уж, насколько ей всё это в радость, никогда не разобрался бы,

но за все годы она ни разу не заставила меня почувствовать, что я нежеланен или неприятен ей. Думаю, это держит нас рядом гораздо прочнее, чем все остальное...

И задремали мы сладко после. Пока Татьяна Павловна не пришла разбудить, стукнув в дверь, но не входя:

– Молодёжь, половина двенадцатого!

Лида надела туфли и платье, вроде и незачем, но приятно, что мы втроём за столом, будто у нас гости. Я тоже в белой рубашке, Татьяна Павловна даже бусы из малахита и серёжки надела. Платье на Лиде посверкивает люрексом сквозь размытый рисунок.

– Пора желания на бумажках написать? – улынулась Лида. – Сейчас договорит уже...

– И будем жжёную бумагу пить с шампанским? – засмеялся Виктор.

Я смотрю на них и думаю, как они молоды, счастливы, любят друг друга, зачем рвутся из дома, что им там, на стороне? Что они находят с другими, чего не могут друг другу дать? Какое-то непонятное и чуждое мне баловство.

– Муж-то не прикатит? А то тут у тебя четвёртый этаж... – усмехнулся я, шутя довольно неуклюже.

И обнял Ирину в прихожей, когда она погасила свет, приглашая пройти дальше. Что ж, любовник пришёл...

«Голубой огонёк» традиционно начинается с классики, которая в новогоднюю ночь кажется невыносимо скучной,

неуместной. Зачем они это делают? Чтобы все после боя курантов успели салатов наложить в тарелки и наесться?..

Вообще-то опасения вполне обоснованы – если муж вернётся, тут и прятаться негде – одна комната, под кровать и то не залезешь – у них диван...

– У тебя есть дети? – спросил я.

Она смутилась почему-то.

– А что?

– Ты не хочешь говорить?

– Сыну пять лет.

– А где он сегодня? Праздник...

– У матери. Ну, у бабушки. Где ещё...

– Что же муж-то поехал в командировку, что несемейных не было?

Я спрашиваю только, чтобы что-то говорить. До утра ещё часа три. Не в телевизор же смотреть на Веденееву, кто там ещё? Я приподнялся на локтях, глядя в телевизор. О... Эдмунд Шклярский, вот это да! Не ожидал от «Голубого огонька» увидеть «Пикник». Что Перестройка делает... Этак и до «Арии» и «Металлики» дойдём. Нет в это не верится... А если «Гражданскую Оборону» покажут? Мне стало весело.

– Ты чего смеёшься? – Ирочка поднялась за мной от подушки, руки к моим волосам, чёрт, засалит все...

У Васи что-то изменилось во взгляде, что-то появилось, чего я не видела раньше, что-то незнакомое, даже страш-

ное немного... но нет-нет, не страшное, обжигающее, из-под ресниц смотрит и...

Я двинулся к ней, все мои сны, в которых я пытался разобраться, мои ощущения, что взвешивал на весах Добра и Зла, всё пропало, потому что Майка сидит на моём диване, вот так, совсем рядом, близко, и я могу коснуться её так, как захочу, потому что так говорит её взгляд...

...Я задохнулась от того, как он внезапно нахлынул на меня весь, такой большой, горячий, эти горячие губы, руки большущие... Я как странный пластилин разом подмялась под него и растаяла...

...Губы у неё тёплые, горячие даже, вареньем почему-то пахнут... Она такая мягкая и твёрдая одновременно. Так странно, совсем не такая как я. Узкая, тоненькая, гибкая, кожа тонкая, а груди такие... ох... Я вовсе ослеп и оглох, я весь на ладонях и...

...Он очень быстро проник руками под мою одежду, так быстро и ловко, словно делает это три раза в день... Мне стало страшно от его уверенной силы... Но от его рук, от его губ на моих губах приятно, они так славно пахнут и такие приятные на вкус, тёплые, скользкие внутри...

...Вот это придумано для меня, специально для меня... Я проник ладонью ей за пояс джинсов... только расстегнуть несколько пуговиц... я весь устремлён туда. Там спокойно и нет ни стыда, ни тьмы, ни холода, что едва не проглотили меня сегодня. Это целый мир. Другой. Новый. Неведомый

и так непреодолимо влекущий... Там... Но как проникнуть туда, там невообразимо узко и... так тепло...

...Там... и-и-и, Вася... я боюсь, не надо... Мне страшно... не надо, Васенька... Он прикоснулся и даже нажал там, где... мне стало больно немного, и я охнула, испуганно сжимаясь... Он надо мной, так близко смотрит мне в лицо, такие огромные зрачки... Лампы мы вкрутили... они слепят мне глаза...

Я отпустил её и встал с дивана. Мне больно, узкие джинсы сдавили мне всё ниже пояса, жесткие двойные строчки, пуговицы-болты будто зубы дракона... вот чёрт!

Я ничего ещё не хотел так сильно. Я вообще не знаю, чего можно так сильно хотеть. Сердце колотится, захлёбываясь жаром. Но она испугалась... и... я не хочу, чтобы... чтобы мы вот так... Это должно быть как-то... как-то, чтобы она не боялась. Не отодвигалась, бледнея.

Она поднялась тоже, опуская футболку, которую я ей задрал почти до шеи, тронула меня за локоть.

– Ты... испугался?

– Нет... просто...

– Это я виновата, я... у меня не было никогда такого... Вообще ничего такого. Я... Но если... Вася, если тебе надо...

Я повернулся к ней:

– Ты разве... Ты меня любишь?

– Люблю, – она ответила почти удивлённо. – Разве ты не

знаешь?

Я обнял её, сильно прижал к себе, выдыхая в её волосы жар, что запекает меня, прижимаясь лицом к её голове и всем телом к ней. Я впервые так обнимаю кого-то, у неё такие мягкие волосы, шёлковые и мягкие, нежными прядями цепляются за меня, за пальцы, за мои плечи, за майку. Она вообще вся мягкая, такая маленькая, податливая, она вся помещается в моих руках. Майка... вот ты какая. Я всё думал... я так много думал, а ты...

– Ты прости, что я так... я сам... я не ожидал. Но...

Она сказала, что любит меня. А я? А что я? Я так хочу доделать то, что я даже не знаю, как и делать, даже в теории не знаю, только я...

Но не теперь. Не сегодня, когда мама... когда я так позорно боялся. Так стыдно боялся. Стыдно перед самим собой...

Я хочу... чтобы Майка тоже хотела, как и я, вот до такого умопомрачения, а не уступила и позволила, потому что «мне надо» ...

Мы долго так стояли, обнимая друг друга и это лучшие минуты в моей жизни. Я не решался снова поцеловать её, потому что остановиться снова я уже не смогу... И мы стояли и стояли, чувствуя, как наше тепло перемешивается, перетекает друг в друга. Пока Майка не сказала, всё так же, положив мне голову на грудь:

– Между прочим, уже давным-давно наступил 89-й год... уже три часа. Я никогда не была не дома в такое время. Так

странно.

– Интересно, что наши делают сейчас? – усмехнулся я. Как хорошо, что мы тут, вдвоём, а не вместе со всеми.

Майка засмеялась:

– В «Кис-брысь-мяу» играют!

– Нет, в «Мафию». Я не хотел бы со всеми играть в «Кис-мяу», – я продолжаю её обнимать, а она и не думает отстраняться, тоже обнимая меня.

– Значит, хорошо, что мы не пошли.

– Получается, мы вдвоём встретили Новый год. Как встретишь...

Мы снова засмеялись, уже почти отпуская друг друга.

Майка опустила голову:

– Вася, может... У тебя есть что-нибудь... поесть? Так есть хочется...

Я засмеялся:

– Во я в гости-то тебя привёл, убираться заставил, и даже не покормил! Хорош, гостеприимный хозяин! – и тоже вспомнил, что голодный. – Яичницу будешь? Яйца точно есть и хлеб. И масло. Или жареную картошку?

– И то и другое! С прошлого года ничего не ела!

Глава 2. Разбуди меня

Ирину никак не берёт сон, весь день спала накануне, что ли? А мне так хочется сбежать. Придумать бы что-нибудь. Но что?

– Слушай, мне пора, наверное, – сказал я, садясь и спуская ноги на пол. Пол-то ледяной у неё под этим линолеумом.

Ожидаемо, она повисла на моей спине:

– Какой ты сильный! – и губами елозит по коже, щекотно и мокро. Все эротоманками стали, теперь модно... – Ильюшенька, останься?

На полу три презерватива валяются, выбросить надо. Вот гадость, холодные, мокрые как какие-то мерзкие черви. И почему после всегда так противно?.. В помойном ведре на кухне яичные скорлупки, салфетки, очистки от картошки и моркови, от свёклы – селёдку под шубой делала, довольно гадкую... Надеюсь, муж не приедет выбрасывать этот мусор. Я бы вынес ведро, но придётся ведь с ним возвращаться, а я хотел бы никогда больше не приходиться сюда. Не видеть ни этих паласов на полу, ни «стенки» с модными подпалинами, и посудой, золочёными вазочками кооперативного производства... но, главное: не видеть больше Ирину.

– Не уходи, ещё только шесть часов.

Ирина смотрит с постели, приняв привлекательную позу. Почему они все думают, что лежать как во всех этих филь-

мах и клипах, это привлекает? Хотя привлекает, конечно, но уже не меня...

Бельё в зелёный цветочек. Свежее, скользкое от крахмала, с мужем не спала на нём, после меня поменяет сегодня или так и станет его на этом ждать?..

Чёрные волосы, пахнущие свежей краской «колестон», я уж стал различать эти химические запахи... Зачем красит, седина у неё разве? Карие глаза, немного хлоазма под глазами, сколько тебе, Ирина, тридцать два?

Я больше не приду к тебе. И зачем вообще приходил? Зачем повёлся на её провокацию? Где мы познакомились? Я даже не помню... на работе? Приходила к кому-то? Забыл. Не держу в памяти такие вещи совсем...

Я пешком дошёл до дома. Промок окончательно, к тому же едва не упал несколько раз. К утру подмораживает немного, и снег пошёл. Лепит в лицо, я совсем замёрз от этой сырости.

Все спят, слава Богу. Тихо и мягко, будто дышат, тикают часы, болтая большим маятником, зашуршат, приготавливаясь отбить семь часов. Ёлка в гостиной мерцает блёстками игрушек и мишуры в темноте. И пахнет. Чудо как пахнет, сразу стало хорошо.

Я поднялся наверх, сразу в ванную, пустил воду, отогреюсь хотя бы. Проходя мимо Маюшкиной комнаты, я увидел, что дверь открыта, и платье всё так же лежит поперёк кровати. Так и не вернулась и к ребятам не пошла. А я-то уже

подумал, что мне хорошо...

«Вася»... что там у этого её Васи? Всю ночь там?.. Всю ночь с этим мальчишкой?! Целую ночь!..

А эти дрыхнут, как медведи по берлогам, девочки нет, а они спят, это родители!?

Я разозлился, даже жарко стало. Вошёл в её комнату, так и есть, не возвращалась, вон Серка спит поверх покрывала, хвостом как веером из страусовых перьев, накрыла нос...
Маюшка...

Я залез в ванну. Но вместо удовольствия, которое ожидал испытать, согреваясь, чувствую только раздражение, прислушиваясь к тишине в доме. Со злостью я взялся скоблить кожу мочалкой, даже стало больно.

Почему я отпустил её? Почему позволил уйти? Что может произойти ночью... Новогодняя ночь, ему... он же старше... ему шестнадцать...

У меня заболела голова... Чёрт, мне самому было шестнадцать, когда я перешёл из разряда мальчиков в мужчины...
Маюша, почему я отпустил тебя?!

Я вышел из ванной. Нет Маюшки. Я всё надеялся, что пришла, что я не услышал за шумом воды. И темнота по-прежнему наполняет дом. Где он живёт, этот Метелица? Почему я не знаю? Почему я так мало знаю о нём? Как же я...

Я закурил, усевшись в кресло перед открытой дверью из моей комнаты. И по телевизору ничего уже нет, всё закончилось. Видик включить? Что у меня тут? «Кабаре», Маюшка

не любит, ей кажется, грустно...

Лайза Минелли то поёт, то шутит, то глядит громадными печальными глазами, но я не вижу и не слышу...

От сигарет уже тошнит...

Мы пришли в больницу к восьми, и нас не пустили бы, если бы Майка не упросила кого-то из врачей, всех тут знает? И на улице тишина и пустота, какая бывает только утром 1-го января, и здесь, всё будто вымерло и притихло, даже снег, таявший с вечера, взялся льдом к утру, и с неба посыпался новый, пышный, прикроет этот гололёд к рассвету.

Мама спала, когда я заглянул, мне сказали, что надо прийти попозже, дать ей поспать. Капельницы уже не было, она спала, свернувшись под красным шерстяным одеялом и мне показалось, она замёрзла...

– Можно я тут посижу?

– Иди домой, мальчик, что сидеть?

– Любовь Васильевна, разрешите ему, мы тихонько.

Медсестра с красивыми глазами с длинными, загнутыми ресницами, качнула головой недовольно. Но позволила:

– Ладно, зайдите в палату, только не шуметь. Хоть по распорядку пора вставать, а всё же...

Мама проснулась, едва я вошёл, посмотрела на меня немного мутноватым взглядом, но уже вполне трезво:

– Васенька... сыночек, ты... Прости, напугала тебя! – она протянула ко мне руки.

И я обнял её. Но густой перегарный запах ещё остался. Смешался уже с лекарствами и хлоркой, которой тут всё пахнет, но всё же сквозит ещё...

– Сынок, ты... как ты? – спросила мама, в голосе слёзы.

– Я хорошо, мамочка. Ты не волнуйся. Ты только поправляйся, – мне тоже хочется плакать, я так счастлив сейчас, что всё страшное прошло стороной, что моя жизнь не рушится...

А ещё столько всего важного и необыкновенного произошло, такого, о чём я не могу рассказать никому, даже маме. Об этом никому никогда не рассказывают. Я не знаю ещё, что об этом думать. Я ещё ничего не думал, мне надо время подумать и осмыслить. Я только наполнен до краёв новым, необыкновенным, чем-то большим, чем я сам.

– Только выздоравливай, – проговорил я.

– Я обещаю, – мама улыбнулась.

Любовь Васильевна тем временем заглянула в палату.

– Ты сейчас иди, приходи после пяти, в это время посещения. И она уже совсем хороша будет.

Я вышел, оборачиваясь. Майка в коридоре поднялась мне навстречу. Я улыбнулся ей с благодарностью, правда, я никогда ещё не был так счастлив, что я не один. Оказывается, я не один. Что бы со мной было этой ночью, если бы не она...

Мы вышли на улицу, одеваясь на ходу. Шли, оскальзываясь на льду. Но мы взяли за руки, и никто из нас не упал. Я проводил Майку до самого дома. Там все спят, все окна тёмные. Хотя, нет, наверху телевизор работает – голубова-

тый свет, как туман в окне. Это у дяди её. Странно, что он не спит в такой час 1-го января, спит, кажется не только весь город, но и вся земля...

Только мы не спим, я и Майка...

– Позвонишь? – спросила Майка, уже положив ладонь на ручку двери.

– Сразу как проснусь, – улыбнулся я.

– Пока, Василёк!

Я вышел за калитку, ещё раз обернулся, уже совсем рассветло, но зимнее утро мглистое, а она не включает свет внутри, даже в прихожей...

До дома я дошёл и не помню как, уснул мгновенно, едва лёг.

А у меня всё не было так просто как у Васи. Я тихонько прошла наверх, внизу все спят и давно, очень тихо и царят ночные звуки, но сверху, едва я поднялась до середины лестницы, я услышала голос:

– Майя? – так строго Ю-Ю со мной в жизни не говорил. И чтобы Майей меня называл, тоже не помню.

Я подняла голову, Ю-Ю наверху лестницы, а вокруг него голубой слоистый туман клубами, накурил...

– Ох и накурил, Ю-Ю, как спать-то будем? – улыбнулась я. – Как бабушка говорит: хоть топор вешай, – я не хочу замечать нарочитую строгость в его голосе, может, смягчится, и перестанет хмуриться, и глядеть как злой барбос.

Но он не поддаётся, смотрит сурово по-прежнему. Ни разу ещё таким я его не видела.

– Почему тебя не было всю ночь, Майя? Что там было такого, что ты...

– У Васи мама заболела, – поспешила объяснить я, поймёт, и не будет злиться. – Я... должна была... Должна была побыть с ним. Он совсем один был и... испугался.

– Ему шестнадцать лет, здоровенный малый! Испугался, не смейся! – ещё больше разозлился Ю-Ю.

– Все пугаются, когда мамы болеют... – нахмурилась и я. Что он, в самом деле, так отчитывает меня, видел бы Васю в больнице!

– Ты целую ночь дома не была. Мне это не нравится, – всё же немного мягче произнёс Ю-Ю.

– Сам-то давно пришёл? – решила и я высказаться в свою очередь.

– Я... Сравнила тоже! Ты – девочка, сейчас почти девять часов утра, ты только пришла. Так нельзя делать!

– Ю-Ю, всем до лампочки, ты-то чего взбеленился?

– Все пусть как хотят, но мне не нравится, Май. Не делай так больше. Ночевать надо дома. Обещай мне, – уже совсем снизив голос, проговорил он.

– Обещаю, конечно, если ты так хочешь.

Я вошла в свою комнату.

– Ты моё платье убрал в шкаф? – я обернулась через плечо, а Ю-Ю смотрел на меня, всё ещё бледный и напряжённый.

ный как никогда.

Кивнул, наконец.

– Спасибо, – я подошла к нему. – Не сердись, Ю-Юшек, я не буду больше так делать. Обещаю. Просто, нельзя было... Нельзя было Васю бросить. У него больше никого нет.

Ю-Ю смотрит, хмурясь и сверкая глазами, даже в полутёмных утренних сумерках я вижу, как горит его взгляд:

– Он... ничего... он ничего не сделал тебе?

– Что сделал?

– !!! – его лицо, глаза, брови красноречивее слов.

И догадался же до всего. Никто больше не догадался бы, не подумал бы и тем более не почувствовал, никто даже не думает, что что-то такое... Да что они вообще думают обо мне?!..

Но ты несправедлив, Ю-Ю!

– Да ты что?! – я задохнулась, возмущённая, что он подумал обвинять Васю.

Ю-Ю вдохнул, распустил густые брови:

– Ладно, спать ложись. Скоро уж все вставать начнут...

Я обняла его и поцеловала в тёплую, немного колючую щёку – не брился ещё.

– С Новым годом, Ю-Ю! – и близко посмотрела в его сияющие глаза.

– Да ну тебя, «С Новым годом»... – проворчал он, легонько оттолкнув меня и отправляясь к себе в комнату.

Я разделась и легла под одеяло. Постель какая-то холод-

ная.

Меня жгли и вертели воспоминания о сегодняшней ночи, не давая уснуть. Как я сначала почти ненавидела эту Анну Олеговну, Васину маму, а она оказалась вовсе не такой, как я думала: не гадкой теткой, как представляется, когда думаешь о человеке, который пахнет так, как их комната. А Анна Олеговна маленькая, меньше, чем я, и глаза у неё огромные, печальные...

И Вася... Вася... Я повзрослела сегодня на несколько лет. И то, что у нас случилось с ним, и что не случилось... Как бы я пережила, если бы случилось? Как бы пришла и увидела Ю-Ю, если бы случилось? Он вон как рассердился... ему ещё противно стало бы, что я... что я такая... Такая...

Но при этом я знаю, что как это ни было бы ужасно потом, я позволила бы Васе. Хорошо, что он... что он такой. Настоящий. Настоящий мой друг.

Но его поцелуй, его руки, запах его тела, вкус его губ, горячность его кожи... Весь он, в моих руках, так близко. Никто ещё не был со мной так близко.

Я будто проснулась. Во мне что-то родилось и что-то умерло этой ночью. До вчерашнего дня была одна жизнь, с сегодняшней ночи началась другая. Всё по-другому. Я другая. Сам Вася другой.

Я даже не думала о нём, как положено думать о мужчинах. То есть, конечно, только как о мужчине и думала, но... мужчины, они где-то Там... Не так близко... И я не представляла

ни разу, что он целует меня. Ни разу. Но я вообще ни разу не представляла, что кто-то целует меня. Выходит, правильно, родители думают, что я ребёнок и не беспокоятся.

До вчерашнего дня так и было.

Но Вася оказался мужчиной. И он подошёл близко. И я теперь не ребёнок... Как страшно, волнительно и необычно. Как грустно, что вдруг от меня отрезали детство. Что теперь я... женщина?

Какой ужас...

Ветер усиливался на улице, завывая и высвистывая свою вечную и жутковатую мелодию. И снег валит всё гуще и его мотает как занавес капризной невидимой рукой то в одну сторону от окна, то в другую.

Нарисуй нам, Мороз, круги на стекле.

Пусть стучится в окна злая пурга.

Нам тепло внутри

И мы не боимся зимы.

Если остывает в груди,

Вот тогда мне страшно.

Если останавливается кровь,

Мне ещё страшнее.

Пусть кровоточит душа,

Пусть болит и стонет,

Чем молчит и не дышит.

Почувствуй дыханье,

Пусть рисует Мороз на окне.
Посмотри на снег, он не мёртвый,
Он живёт: он танцует, весёлый,
Он злится и тает.
А теперь, посмотри на меня,
Ты ещё чувствуешь жизнь?
Чувствуешь жизнь во мне или её больше нет?
Я не чувствую, разбуди меня!
Я не чувствую боли, я не чувствую жара...
Разбуди меня, отыщи во мне душу!

Глава 3. Ложь

Синий зимний день слабо светит в окна, закрашенные морозными узорами, я повернула голову, Виктор спит, лицо безмятежно и такое молодое сейчас... Он даже милый, захотелось поцеловать его. Нет, разбужу, пусть поспит, неприятности на работе, устал за последние недели, каждый день говорил, что как он ни бьётся, не могут выполнить план, пусть хотя бы в праздники отоспится...

Сколько времени? Одиннадцатый час... Встану, что валиться. Мама, интересно, поднялась уже?

Я нашла маму на кухне, чайник шумит на огне, бока ещё в испарине, недавно на огонь взгромоздился. Мама посмотрела на меня:

– Ранняя пташка, – и улыбнулась.

От этой улыбки я почувствовала себя опять маленькой девочкой с утренней мамой на кухне. Но следующий вопрос вернул меня в сегодня:

– Виктор спит?

– Спит. С кои-то веки может себе позволить. Дети тоже не вставали?

– Пришли уже рассвело, разговаривали, я слышала.

– Майя в первый раз Новый год не дома, – сказала я, доставая банку с дефицитным молотым кофе. Виктор привозил из Москвы, покупал в Елисейском, там и мололи.

– Большая уже, друзья появились.

– Ты знаешь их? – я посмотрела на маму, она всегда знает больше, чем мы думаем, обо всех нас. О школьниках тем более. Но, с тех пор как Илья школу окончил, она всё равно каким-то образом всегда оказывается куда более осведомлённой о его жизни, чем кто бы то ни было. Исключая Майю, конечно, ближе неё к нему никого нет.

– Так... Обычные дети.

– А этот... забыла, как его... Метелин...

– Метелица, – поправила мама. – Дочь замуж выйдет, ты знать не будешь, тоже мне.

– Ну, ладно, когда мне за её приятелями следить, – я помешала кофе в турке, пена начала светлеть. Я давно привыкла, что мама упрекает меня в невнимательности к дочери.

– Он не приятель, он её друг. Может только Илья ближе. Вася парень толковый, если с пути не сойдёт.

– Илью женить надо, – сказала я.

Мама засмеялась:

– Илью... – она покачала головой, надо же, химические кудри её никогда не бывают в беспорядке. – Илью женить, а это... не думаю, что он женится когда-нибудь. Ему и так хорошо.

– По расчёту женить. На богатой. Чтобы квартира-машина, связи, – я налила кофе в чашки.

Мама достала вчерашние бутерброды с икрой чёрной и красной, и с плотной тёмной лососиной.

– Он на мотоцикле гоняет с Майкой, что ты хочешь от него, какая женитьба? – и засмеялась.

– Так и будет бобылём. Привык. Вечный пацан. Денег не считает, девиц тем более.

– Ну... денег и ты не считаешь, – усмехнулась мама.

Бутерброды подсохли немного, но от этого стали только вкуснее, будто на тостах сделаны...

Илья заглянул на кухню, волосы расчёсанные, и умылся уже, лицо свежее.

– О, кофе пьёте, девочки. Меня-то угостите?

– Садись. Что не спишь-то? Пришёл утром.

Илья налил себе кофе, сел на третью сторону стола:

– Так одиннадцать уже, весь день что ли валяться? – он разом проглотил бутербродик на половинке батонного ломтика. Мы с мамой всегда делаем миниатюрные.

– Когда подстрижётся-то?

– Вероятно, никогда, – усмехнулся Илья, обернувшись на меня, приятный запах свежести от него, всегда хорошо пахнет. – Чё ты? Даже на работе никто не возражает.

И головой мотнул, играя, волосами по плечам. У нас с ним одинаковые волосы, плотные, гладкие, у Майки не в меня, и не в Виктора, свои какие-то, мягкими волнами.

– Как надоест на мотоцикле гонять, так и подстрижётся, – сказала мама.

– Маюшка рассказала, как сходила на праздник? – спросила я.

Илья посмотрел на меня, немного мрачней, если бы не знала его, подумала бы, что он ревнует её:

– Нормально сходила, – хмуро сказал он.

– Что хмуришься-то? Целовались они там? – засмеялась я. – Мы, помниться, целовались в восьмом классе на такой вечеринке. В «бутылочку» играли.

Мама удивлённо выпрямилась. А я рассмеялась, глядя на них, Илья разозлился ещё больше:

– В «бутылочку», уж не играет никто, вспомнила тоже, прошлый век.

– А во что они сейчас играют? В «больницу» отыгрались уже надо думать, – продолжаю веселиться я, с удивлением наблюдая, как мой всегда такой легкомысленный братец вдруг превратился в моралиста и ханжу.

– Это ты играла, вот и... Остановиться не можешь, – про-рычал Илья.

Точно ревнует, надо же. Что ты хочешь, Илюшка, выросла девочка. Надо про контрацепцию с ней поговорить, не то будем иметь «удовольствие» ... Видала я таких девчонок, на аборт приходят в пятнадцать-шестнадцать.

Виктор открыл дверь в кухню, и тоже улыбнулся:

– Что затаились-то? – смеясь, сказал он. – Икру тайком жрут...

– И красную рыбу! – засмеялась мама. – Присоединяйся!

– Кофе сварить тебе? – спросила я.

– Я пойду, посмотрю, что Маюшка не встаёт, – Илья под-

нялся.

– Пусть спит. Легла только утром.

Но я сделала маме знак: пусть идёт, охота ему, пусть проверяет.

В это время зазвонил телефон.

– Начинается... – пробормотал Илья и пошёл ответить.

Мы прислушались, любого из нас могли позвать, но Илья не пришёл ни за кем из нас. Тогда я крикнула, выглянув из двери:

– Кому звонят?

– Не вам, – ответил Илья.

Это звонил Вася. И голос у него по телефону совсем не мальчишеский... Проснулся уже... я сказал, что Майя спит и вообще мы сегодня поедem на дачу. Ерунду сказал, дачу никто не готовил, там топить надо целый день, прежде чем отправляться.

– Так что ты денька через три звони, – вдобавок наврал я.

Я никогда ещё не врал и так ни на кого не злился: надо же, продержал Маюшку возле себя целую ночь. Боялся он, знаю я уловки эти хитрые, сам не промах дурочек разжалобить.

Я не зря тревожился, я чувствовал: Маюшка заболела. Войдя в её комнату, я сразу это понял. Мне кажется, я уже от двери почувствовал, что у неё температура. Подойдя и глядя на её припухшие веки, красные губы, я не мог не вспомнить, Лидины слова о поцелуях...

На письменном столе листочек со стихами. Я прочитал,

Маюшка писала стишки время от времени, вот и этой ночью. Вернее утром. Почему такое? Странное стихотворение... что-то случилось всё же. Случилось. И не рассказала.

Я тронул её лоб ладонью, горячая кожа... Она повернула немного голову, приоткрыв глаза:

– Ю-Ю... – голос охрип, – м-м-м... горло болит...

Странно ответил мне Майкин дядя, раньше он всегда был приветлив со мной, а сегодня, будто я ему главный враг. Может, не узнал меня? Я положил трубку. И пошёл на кухню. Три дня на даче будет... почему ничего не сказала? Всегда говорит, если уезжает...

Едва проснувшись, даже не проснувшись ещё, я снова почувствовал и увидел и её лицо, и... Открыв глаза, я увидел, как торчит у меня член, высокой горкой поднимая одеяло собой. Эльбрус... Это обычное, и привычное дело, но ни разу ещё мне не было так томно от этого. Будто я раньше не знал, для чего он поднимается каждое утро... Но я был так далёк от осуществления этого знания... А теперь...

Теперь – вот оно. Я подошёл вплотную. Я почти проник в полный загадок и сказочных обещаний мир, о котором раньше только мечтал, он реальный, он совсем рядом и даже открыт для меня. Я остановился, уже приоткрыв дверь в этот мной неизведанный зовущий мир. Уже увидел свет и почувствовал аромат райского сада, но вернулся. Струсил?

Я повернулся на живот. Вот губы её, её груди... и...

Вот на этом диване... Я просто оказался не готов к тому, что это может произойти. Всё слишком неожиданно. Всё как-то, словно само собой, без моего участия. А я хотел сам управлять. Я сам хочу понимать, что я делаю.

И чтобы... чтобы она не боялась.

Я встал, и ещё не одетый, и босой, едва выйдя из сортира, взялся звонить ей. Как и обещал...

Разочарование и какой-то холод овладели мной. Уехала. Не знала вчера, значит? Чайник на кухне шумит всё громче.

Сказала, что любит меня. Так сказала. А я ничего не ответил на это. Она не спросила даже. Ей не важно? Как это может быть не важно?..

Я насыпал чай в чайник. Чёрно-коричневая пыль облачком поднялась внутри чайника, я сбил её кипятком. Что съест-то?..

На улице холод ужасный. Вчера я не заметил, что была за погода, а сегодня и снегу намело, и мороз потрескивает стволами деревьев на старой аллее, по которой я иду домой из больницы. Мама повеселела, вышла ко мне в вестибюль, говорила, рассказывала про соседок по палате. Вчера ещё никого не было, из-за праздников всех отпустили, а наутро уже вернулись. Три бабуси. Одна с астмой, другая с желудком, третья с давлением и бронхитом.

– Сегодня капельницы будут?

– Не знаю, уколы ставили.

– Что принести, мам? Магазины завтра откроются, что ку-

пить?

– Тут хорошо кормят, не волнуйся. Деньги там под салфеткой ты бери, а то пока выпишут теперь...

Так и пошёл я домой, размышляя, что бы лучше купить маме завтра. И чувствуя себя куда более одиноким, чем когда-либо. Оказывается, я не был один до сих пор. Мама и Майка, а теперь обе они... Почему ты уехала так...

А ведь на даче у них есть телефон. Почему не звонит? Или звонила? А меня не было...

А может ей противно то, что случилось вчера?! Виду не показала из жалости, а теперь... теперь не хочет меня видеть.

Я вошёл в нашу с мамой комнату: такой симпатичной она не стала бы никогда, такой уютной и приятной, если бы не Майка...

Но если я так ей противен, зачем сказала, что любит меня? Да и не было ей вчера противно...

Я сел на диван, в вазе еловая ветка с тремя игрушками, зелёной, оранжевой и розовой... зверушки какие-то неведомые... Вчерашний наш Новый год.

– Василий, как мама?

– А?.. Да... лучше, Иван Генрихович, – ответил я, не сразу сообразив, что он заглянул ко мне и зовёт обедать. Чем обедать-то?

А, там суп вчерашний есть, с перловкой.

Мы с Иваном Генриховичем сидим друг напротив друга, вопреки положенному в коммуналках, у нас давно уже один

стол, да и продукты мы не делим. У них в институте бывают заказы, вот и под Новый год: колбаса сервелат, сыр, консервы, так что угоститься есть чем. Но лучше бы поэкономить, тем более что аппетита у меня совсем нет, не то, что, когда мы с Майкой ночью яичницу и картошку уписывали за обе щеки. Вон и очистки в старой кастрюле, куда мы отходы собираем и на лестницу в ведро носим, отдельно от прочего мусора, вроде бумажек. И на улице разные контейнеры. Свиной что ли этим кормят потом? Сомнительно, летом там заводятся черви, на рыбалку хорошо – целый контейнер опарышей...

Но Иван Генрихович что-то говорит.

– ...Я о Майе.

– Что? – я посмотрел на него, наконец.

– ...она тебе не пара, Вася, она не подходит тебе, – продолжил Иван Генрихович начатую раньше речь, что я не слушал.

– Пара? – удивился я. Какое странное слово...

Но Иван Генрихович продолжил:

– Она не для тебя. Я не думал, что это директорская дочка, когда ты говорил, что дружишь с какой-то Майкой.

Я выпрямился. Впервые я злюсь на него, впервые он говорит какую-то ахинею. Злобную ерунду.

– С «какой-то»?! Майка не «какая-то»! – сказал я, еле сдерживаясь.

– Эта девочка не...

– И мы никакая не пара, мы дружим сто лет и...

Иван Генрихович покачал головой:

– Тебе кажется сейчас, что... но это... не так! Она... слишком красивая, слишком... Ты не сможешь, ты...

Я встал, подойдя к раковине с тарелкой недоеденного супа:

– Это моё дело, – сказал я, чувствуя такую ярость в горле, что мне слепит глаза, шарахнуть бы эту тарелку...

– Вон как... далеко зашло уже... – протянул Иван Генрихович, сверля меня глазами сквозь толстенные очки. – Но, Вася... Даже, если она легла с тобой в постель, не значит, что она тебя считает равней... Такие, как она...

Я уже не слушал, я хлопнул кухонной дверью так, что треснула притолока. И слышу его слова, летящие мне в спину:

– Я тебе добра желаю!

Чёрт, на что мне ваши пожелания и ваше добро?! Я задыхаюсь от злости, от кипящей во мне ярости, от несправедливости. Он не знает Майку, что говорит такое?! Как он может?! Старый таракан!

Майка не подходит мне, Майка, с которой мы три с половиной года не расстаёмся. Я знаю каждую её улыбку, как растут волоски у неё в ломких линиях бровей, сиреневый рисунок тонюсеньких вен у неё на веках и на запястьях, как она заплетает косу, и в какую сторону заворачивает пучок, как поворачивается маленькая серёжка в мочке, когда она остав-

ляет распущенными волосы и они цепляются за серьги...

Майка мне не пара? Майка, которая сказала, что любит меня... И смотрела так, что... и...

Глава 4. Цербер

Маюшка лежала с перевязанным горлом поверх покрывала, не соглашаясь остаться в постели, как я ни уговаривал.

– Вася придёт, а я в постели. Вы не пустите ко мне тогда. Нет, я так, – сопротивлялась она, ожидая своего Васю.

Но я не мог позволить ему прийти. Ночь провести с моей Маюшкой! Целую ночь. Целовались... конечно. Как посмел?

За эти дни я всё узнал о нём. От мамы вначале, но она начала подозрительно смотреть на меня из-за этих вопросов, поэтому дальше я признавал уже сам, всевозможных знакомых у меня был весь город. И уже через три дня я всё знал про мальчишку. Он оказался хорошим. Слишком хорошим, опасно хорошим. Серьёзным и с перспективами, даже учитываемая патовую ситуацию с матерью. У него отличные шансы и на институт, и на будущее. Учится даже без троек. Работает. Взрослый.

Повзрослее меня, лоботряса, по большому счёту, привыкшего к лёгкой жизни. Вначале в родительской семье, а после института, при моей работе, я начал обрастать связями ещё с ординатуры, деньги и дефицитные вещи потекли рекой в мои руки. Маюшка даже спросила однажды:

– Откуда у тебя столько денег, Ю-Ю?

Мне не хотелось рассказывать ей, какой отличный доход приносят мне мои умения и знания. У моих знакомых очень

много разнообразных порочных связей, в результате неизбежны самые разные нежелательные последствия от триппера до беременностей. Не к тётянкам же в консультации ходят в таких случаях люди определённого сорта... Руки у меня золотые, глаз верный, чутьё безотказное, знания самые свежие, так что я в месяц, бывает, имею больше, чем Виктор за год со своей директорской зарплатой. Конечно, то густо, то пусто, но в целом я парень очень денежный.

Но как я рассказал бы это Маюшке? Тем более, когда тут такой идеальный, такой правильный Вася, настоящий комсомолец, ни дать ни взять. Даром, что Комсомол на ладан дышит, у нас на работе собраний не было почти год. Но взносы при том собирают исправно.

На Рождество я подарил Маюшке колечко, как обещал, взамен её самодельного. Со светлым раухтопазом прямоугольной формы. Она была права, мало того, что вообще такой перстень непросто было найти, так ещё и пятнадцатый размер... пришлось мастера-ювелира просить уменьшить.

Температуры уже не было, когда я принёс ей свой подарок. Маюшка, всё ещё слабая, читала, укрыв ноги пледом.

– Что читаешь? – спросил я.

Она повернула обложку: «Молодые годы Генриха 4».

– Нравится?

Маюшка кивнула, грустит. Ведь всю неделю её Васе ходу сюда нет. Я слежу как цербер. Явится тискать её... Я отвечаю на его звонки, вру напропалую и ему, и ей, а уходя на работу,

вообще тайком отключаю телефон. Пусть хотя бы каникулы побудет дома без этого опасного типа.

– В те времена модно было вот такие украшения, – я подал ей перстень, развернув ладонь.

Как приятно мне было увидеть радостное воодушевление на её лице. Маюшка села, отложив книгу. Всё-таки как все девочки любят побрякушки! Надо ей и серьги купить большие, чтобы качались у лица...

– Ой, Ю-Юшек! – Маюша надела перстень на пальчик. – И впору! Как ты... – обняла меня, поднявшись на коленках. – Ох, вот здорово! Ну...

Я с удовольствием смотрю на неё. Похудела немного за время болезни и побледнела, на улицу почти не ходила.

– Май, поехали на дачу? Там сейчас снегу... – я закатил глаза, – белки, снегири-синички, а? Камин разожжём. Я съезжу, протоплю, может и наши присоединятся?

– На дачу? – удивилась Маюшка. – Ну поехали, что ж не поехать. Синички... – улыбается, продолжив разглядывать кольцо, любоваться камнем.

Довольный Ю-Ю ушёл, звонить пошёл приятелям, чтобы отвезли его на дачу. Я легла на спину, люблюсь камнем на моём пальце. Грани отсвечивают коричневатым цветом, и сидит приятно, не давит и не болтается. Ю-Ю, всегда знаешь, чего я хочу. Пообещал и сделал тут же...

Я вздохнула. Вася так и не позвонил за неделю ни разу. Я пока лежала в температуре и с сильнейшей болью в гор-

ле, почти всё время в полудрёме прислушивалась, постоянно, всё надеялась, что он придёт, хотя бы увидеть его. Но он не позвонил. Так и не позвонил. И не пришёл. Не выдержав, я позвонила сама позавчера и сегодня утром. Думала, поздравлю с Рождеством... Но Иван Генрихович сказал, что его нет. И в первый раз, и во второй. Обещал передать, что я звонила. Значит, Вася знает, что я звонила. И не позвонил всё же опять.

Наверное... Наверное, потому что я... потому что не стала... Не захотела... не позволила... Но если так...

Если так, то... то дурной он значит парень!?!..

Рассказывают девчонки, как парни остывают, если отка- зываешься, как я. Но разве это может быть про Васю? Про Васю?!

Нет, он не такой! Он хороший. Он сам не стал настаивать. И вообще, он бы...

Мне всё время хотелось плакать, и я плакала каждый день. И скучала по нему ужасно. Снова ждала, сердилась и не ве- рила самой себе, снова удивлялась, что он не звонит, и опять вопреки логике не хотела верить, что он решил перестать дружить со мной, потому что я оказалась такой старомодной и скучной.

Он, может быть... может быть, с другими, кто не сторо- жится так сейчас...

А девчонки звонили. Когда я смогла говорить, отвечала. Рассказали, как прошёл Новый год, действительно играли и

в «Мафию», и в «Кис-мяу», и нацеловались друг с другом до боли в челюстях. Шампанского напились, курили, кто-то сигарет принёс.

– Повеселились отменно, жаль, что вы с Метлой не пришли. Но вы-то хоть время не без пользы провели? – я прямо вижу, как блестят глаза у Оксаны при этом вопросе.

Рассказать ей, что было – невозможно, и сказать, что у Васи мама попала в больницу из-за водки – ещё хуже. Поэтому я сказала уклончиво:

– Нормально.

Я и подумать не могла, какие выводы они могут сделать из моих слов не говорящих ни о чём. Но я не думала в тот момент ни о каких выводах.

– Ладно, расскажешь потом. Выздоровливай, Кошка.

Я вышла из комнаты, догоню Ю-Ю, вроде не вышел ещё. Воспоминания об этом разговоре заставили меня сказать ему:

– Ю-Ю, может, шампанского купишь на дачу? – я застала его в прихожей за тем, что он застёгивал тёплые ботинки.

Поднял голову, мотнув волосы назад. Усмехнулся, чуть-чуть вбок, симпатично:

– Идёт. По секрету. И вкусного чего-нибудь. Чего хочешь?

Я пожалала плечами. Аппетит не вернулся пока. Вот попробовать шампанского хотелось, предки не дают пока...

Я не могу ни дозвониться, ни застать Майку. Это первый

раз за три с лишним года, когда мы не видимся так долго. Всегда и на каникулах мы виделись каждый день. Встречались и гуляли, в кино ходили. Ни разу не было, чтобы она не хотела со мной говорить хотя бы по телефону. То её нет, то...

Это из-за того, что случилось. Это из-за этого. Она меня любит, а я руками ей под джинсы... вот и не хочет теперь меня видеть...

Не пара мне. Конечно. Я грубый, похотливый... грязный малый. А она... она такая... как охапка цветов... Майка...

Я не разговаривал с Иваном Генриховичем все эти дни. Будто в осаде. Мама в больнице, Майка не хочет говорить и видаться со мной, а с моим взрослым другом, я не хочу теперь говорить.

Мама шла на поправку. Похорошела и посветлела лицом, стала похожа на себя прежнюю, вот выпишется, причёску сделает. У неё волосы выются как у меня, сейчас свалялись, но выйдет и...

Мама выписалась девятого января. Но на другой день пришли две тётеньки, похожие на диванные подушки, в кофтах с люрексом, с начёсанными волосами в причёски высотой в дом. У одной белого цвета, у другой – малиновые. И говорили, потрясая толстыми серьгами и клипсами в толстых ушах:

– Если не прекратите такой образ жизни, Анна Олеговна, будет рассмотрен вопрос о лишении родительских прав. Сколько сыну лет? Хорошо будет, если он за год до совершеннолетия в Детский дом отправится?

Мама побледнела на это, зябко запахивая халатик на груди, пальцы дрожат. И не как обычно, а со страху.... Мамочка, какой Детский дом, я сам могу обеспечивать тебя... Мамочка... только...

Когда тётки ушли, мама заплакала, обняв меня:

– Сынок, ты не бойся. Не думай... всё теперь будет хорошо. Я обещаю. Ты мне веришь?

Я верю. Он никогда ещё ничего такого не обещала. Никогда не говорила так и не плакала.

Зимняя сказка за городом даже во время оттепели не разрушается. Тем более в такую сказочную погоду, когда как у Пушкина: «Под голубыми небесами...».

Снег слепит глаза и наполняет светом до кончиков пальцев. Когда восьмого января, мы приехали на дачу, оказалось, и дорожка от калитки расчищена, и внутри тепло. Дачу эту купили так давно, что даже мама не помнила когда. Дом старый и перестраивался множество раз и пристройки разнообразные делали в разные годы, поэтому выглядел он чудно, как теремок, с несколькими входами, с верандой, сейчас промёрзшей, и вторым этажом. И кухней. Вторая была летняя – на дворе.

Сад, как и при городском доме, был старый и запущенный, но именно этим и нравился мне, это взрослые всё время ругались, собираясь то вырубить деревья, то позвать кого-то, кто сумеет обиходить их. Но ничего не происходило, дере-

вья старели, превращаясь в сказочных корявых «красавцев», и сейчас в снегу и инее они были ещё красивее и загадочнее, чем когда бы то ни было. Я думала, только весной, когда здесь всё в цвету, тут сказка. Но и сейчас сказка. Только другая. Немая и прозрачная. Сверкающая. И вовсе не мёртвая. Кто придумал, что зима походит на смерть природы? Она жива, и даже не спит, просто это иная тонкая и хрупкая жизнь. Как снежинки...

– Как хорошо, – выдохнула я, остановившись у дома.

До дачного посёлка нас довёз Ю-Юшин приятель на своих жигулях, обратно же мы поедem...

– На автобусе поедem, – улыбаясь, сказал Ю-Ю, – забыла? Остановка, вон. Придётся, конечно, прогуляться по лесу полчаса.

От города посёлок близко, на автобусе полчаса, на машине и вовсе четверть часа. Но место здесь чудесное в любое время года. Я забыла, потому что давно не бывала здесь зимой. Лыжи у меня сломались, а других развлечений тут не было. Правда, книжек привезли тем летом.

Внутри пахнет печкиной стенкой – белёными кирпичами, уютно, вкусно.

– По телевизору только одна программа, – сказал Ю-Ю.

– Я вообще не думала, что он работает зимой, – удивилась я.

– Всё работает, – улыбнулся довольный Ю-Ю. – Спать тут будем, в других комнатах слишком холодно, не протопишь

всё.

В большой комнате кроме круглого обеденного стола, диван с деревянной спинкой, старинный и второй, просто старый, обыкновенный. Бельё и одеяла надо принести, чтобы согрелись.

Ю-Ю достаёт снедь, что мы набрали с собой, что-то относит на кухню, что-то оставляет здесь.

– Столько еды! Это неделю можно здесь сидеть, – усмехнулась я, вешая свою тёплую куртку на крюк.

Ю-Ю смеётся:

– Соскучисси! Но я с тобой просидел бы.

– А где шампанское? Ты обещал.

– В снегу, где ещё. Я хоть раз не сделал, что обещал? – смеётся Ю-Ю.

И снова никто не открыл мне. Никого нет. Куда они теперь делись? То дядя Илья мне открывал несколько раз и говорил, что Майка то спит, то ушла. А сегодня и вовсе никого нет.

Но когда я уже отходил от дома, кто-то окликнул меня. Это наша директорша Татьяна Павловна, бабушка Майкина.

– Вася? Ты? Что же не заходишь, Василий? Поссорились что ли?

Я смотрю на неё. Поссорились? Может быть, мы поссорились? А я не понимаю до сих пор. Она пожалела меня, всего-то, а потом ей стало противно. Сказать стесняется, ведь мы дружили так долго...

– Да мы...

– Ты заходи, Вася. Они на дачу поехали, задержались что-то, но к одиннадцатому вернуться точно.

Опять на дачу... Что там делать зимой?

Часть 3

Глава 1. Пороки

На огонь, действительно, можно смотреть бесконечно. Тем более что от него такое приятное тепло волнами плывёт к лицу, к моим поджатым коленкам.

Я протянула руку к бокалу с шампанским, что стоит на подлокотнике кресла. Сквозь напиток красиво играет пламя, если посмотреть на просвет, вверх от дна бегут ниточки мелких пузырьков, как лесенки, по которым взбираются невидимые шампанские Мюнхгаузы. Оно немного щиплет язык, и голове, и груди легко и приятно.

– Я прочитал твой стих, что ты написала в Новогоднюю ночь, – сказал Ю-Ю, закуривая, и поглядел на меня.

– Утром уже, – уточнила я.

Ю-Ю тоже сел в кресло, рядом с моим, и мы, почти как Холмс с Ватсоном, сидим и смотрим в огонь. Да ещё свечи вокруг наставили.

– Утром. Мне показалось или... что-то было, Май?

– Что-то, – проговорила я. Что сказать? После того, что Вася исчез, я не знаю, что было.

Ю-Ю затянулся сигаретой так смачно, что я поглядела на него:

– Дай мне.

– Тошнить будет.

– Ну, дай попробовать? – я протянула руку.

– Будто не пробовала ни разу, – усмехнулся Ю-Ю, протянув мне пальцами сигарету так, что мне осталось только подставить свои пальцы.

– Ни разу, можешь не верить.

– Сильно не затягивайся сразу, – Ю-Ю смотрит на меня.

Я затянулась чуть-чуть, не почувствовала ничего, только горечь на языке, потом посильнее и, конечно, закашлялась, дым вцепился в горло как десяток злых черных котят. Ю-Ю засмеялся:

– Давай назад, куряка!

Я отдала. Ю-Ю затянулся ещё раз и затушил её.

– У меня есть кое-что другое. Раз уж развращаю тебя тут без контроля взрослых... Покурим травки? – глаза щурятся так хитро.

Вот это уже я удивилась, такого я не ожидала. Ю-Ю поднялся как ни в чём, ни, бывало, вышел в прихожую и вернулся пачкой «Беломора». Но вместо спичек в коробке, что он открыл ловким движением пальцев, оказался какой-то травяной порошок. Ю-Ю размял беломорину, вытряс из неё табак в камин, получилась пустая папиросина. В неё он и натряс порошка из коробка, закрутил кончик, ловко и даже как-то сексуально, вертанув его губами. Посмотрел на меня, держа косяк пальцами торчком.

– Готово. Не передумала?

Я улыбнулась, выходит даже как-то занимательно. Он прикурил его от спички, вдыхая дым сквозь зубы, и держа в себе где-то, будто на полдороги. Потом выдохнул тихонько и медленно, не как сигаретный и запах у этого дыма другой.

– Ну... ничё... Держи, неофит.

Я взяла, постаралась повторить, следуя его указаниям. Он засмеялся:

– Волосы не подпали, кукла! – и откинул их мне ласковой ладонью от лица.

Этот дым отличался по вкусу от сигаретного, но я не могу ещё понять, нравится он мне или нет. Тогда я попробовала затянуться ещё, и ожидаемо закашлялась от слишком горячего и кусачего дыма, тут же впившегося мне в язык и бронхи.

– Давай, не форсируй! – Ю-Ю забрал косяк, дотлевший уже до половины.

Он затянулся снова. И снова выпустил дым. И смотрит, улыбаясь, глаза мерцают здоровенными зрачками. Я таким красивым его ещё никогда не видела.

– Иди сюда, паровозик сделаем, – сказал он, поманив меня.

– Что сделаем?

– Увидишь, слушайся и всё, – улыбается он синющими глазами.

Он притянул меня к себе близко, и, снова затянувшись,

выдохнул мне поток дыма на приоткрытые губы, так, что получается, я вдохнула его выдох... Это получилось как-то необычно волнующе. Его большие зрачки и лицо так близко. Мы всегда близки, но так близко ко мне он не был. Это похоже на поцелуй. Я так и сказала.

Ю-Ю засмеялся, косяк почти догорел, он посмотрел на него, назвал «пяточкой», затаился, сипя, в последний раз и бросил в камин.

– Похоже. Но в том и смысл.

Он повеселел заметно, наверное, это то, что называется «приход», но я не чувствовала ничего подобного. Шампанского мы выпили на двоих бутылку, ясно, что я пила раз в пять меньше, но всё же лёгкое кружение было в голове. От этого действия я не чувствую ничего. Кроме самого действия ничего особенного. Ю-Ю опять смеётся.

– Это потому, что ты в первый раз.

Я снова подняла ноги на кресло, посмотрела на него, ставшего просто необычайно красивым сейчас, то ли, потому что свет огня украшает и комнату и нас, то ли похорошел, опьянев.

– И часто ты...?

– Курю? Нет. В институте в последний раз. Для тебя и запаса. Ещё выпьешь?

– Выпью. Шампанское приятно пить.

– Если закружится голова, скажи, значит, хватит.

Он принёс ещё бутылку с крыльца, где прикопал их в сне-

гу.

– Сколько их там?

– Шесть бутылок – немного, – засмеялся он. – Ты бы поела.

Есть и правда было что. Мы привезли с собой копчёную курицу, салат сделали из крабов, икру и красную, и чёрную, тоже не переводились в доме. И копчёную колбасу, которую я всегда любила, даже оливки, что, бывало, редко на столе и мне стали нравиться только в последний год. Лимон мы порезали с сыром, я уже не говорю о мандаринах, апельсинах и тёмно-красных твёрдых яблоках.

Вообще, Ю-Ю оказался на удивление хозяйственным, даже домовитым, всё толково собрал, и салат резал красиво, мелко, посуду расставлял с удовольствием, я почти ничего не делала. Дома за спинами Марь Ивановны, бабушки и мамы он не проявлял этих качеств, тем приятнее было их в нём обнаружить.

– Ты всё умеешь так хорошо делать, – сказала я, подставляя бокал под бутылку, над горлышком которой, как над вулканом, ещё курится дымок.

– А что ж ты думаешь, я только и могу, что болтаться? – засмеялся он, наливая мне радостное вспенившееся вино.

– Вовсе я не думала ничего такого.

Всё же пролилось немного на пол.

– Конечно, не думала. О замшелом пожилом дядюшке чего думать! – засмеялся он, наливая и себе.

– А другие наркотики ты пробовал? – спросила я, внимательно наблюдая, что он ответит. И как. Соврёт или нет.

– Пробовал, – сказал Ю-Ю, после секундного раздумья. – Ну... чтобы узнать, что ли.

– И что?

Он пожал плечами:

– Да не понял я. Вот как ты сегодня. Но распробовать мне не захотелось. Да и... знаешь, я не очень люблю всё это. Моя жизнь, в общем, приносит мне только удовольствия, что искать его где-то вне себя, меня не тянет.

– Так ты счастливый?

Он посмотрел на меня и почему-то стал серьёзным, протянул руку к моему лицу, провёл пальцами по щеке, к шее:

– Счастливый. А ты? – и убрал теплые пальцы.

– И я.

– Тогда за тебя! – он поднял бокал. Удивительно мерцают у него глаза в этом странном свете.

– А я за тебя! – засмеялась я.

Мы снова уселись в наши кресла, у которых спинки и подлокотники были одной высоты, являясь продолжением друг друга. Ю-Ю поднялся к камину, заметив, что почти прогорели дрова, подбросил ещё, пошевелил кочергой, вызвав в топке завихрения искр.

– Почему у тебя нет девушки, Ю-Ю? – спросила я, глядя, как красиво блестят его тяжёлые волосы, лежащие волной на плечах. У мамы точно такие же. Вообще они очень похожи,

будто с одной матрицы сделаны. Только мама очень стройная, тонкая, а Ю-Ю плечистый, весь из мышц, весь очень крепкий. И тёплый. А мама... мама прохладная.

– Ты – моя девушка, забыла, что ли? – засмеялся он, возвращаясь в кресло.

– Это конечно. Но если серьёзно?

Он пожал плечами, потихоньку переставая улыбаться.

– Может, я порочный? – я сказал это вполне искренне.

– Какой же ты порочный? Нет-нет! – Маюшка улыбнулась ласково.

– Ты необъективна.

Я встал, перевернул кассету с «Пикником». Сказал Маюшке, что на «Голубом Огоньке» был «Пикник».

– Правда? Раньше только во «Взгляде» показывали, теперь... Прогресс.

– Перестройка, однако. И плюрализм. И Мусоргский тебе и Шклярский.

– Что там ты ещё видел в «Огоньке»?

– Я не смотрел, Май. А это... будто форточку открыли, вот и заметил.

– А говоришь, порочный. Нет, Ю-Юшка... Скажи только, откуда ты столько денег берёшь? Вот сколько этот перстень стоит? – она разглядывает мой подарок на своей руке.

– Какая разница? Важно, что тебе нравится.

– Нет разницы, конечно. Но расскажи, я хочу понимать. Про тебя понимать. Всё про тебя.

Я посмотрел на неё, ноги поджала в носочках пушистых, волосы на изгибах волн золотятся, и лицо прозрачное, будто этот свет из неё льётся, как из живой лампы. Про меня понимать. А если будешь понимать, не станешь считать меня чудовищем? Плюрализм, конечно и свобода мысли и слова, но... Я сам не считаю, что зарабатываю чисто и честно. Вроде и не делаю ничего, чего не делаю на работе каждый день, и всё же... Ну, ладно, понимать так понимать.

– Я – абортмахер, – сказал я и слежу, что же она скажет, как посмотрит. – Ну, и по мелочи, вроде трипперочков...

Маюшка наморщила носик от последнего слова. Но, ей кажется, что я не договариваю.

– Ты же и так делаешь это каждый день. И мама, но столько у неё нет.

– Откуда ты знаешь? – усмехнулся я. – Не знаю, что там у Лиды, но... она осторожная и осмотрительная, а так много не зарабатываешь.

Услышав последние слова, Маюшка нахмурилась:

– Так ты... Ю-Ю, ты... что-то делаешь э-э... подсудное?

– Врача в наше время можно осудить за криминальный аборт и за переливание несовместимой крови. Но аборт, что делаю я, криминальны только потому, что они бывают не в больнице и без статистического учёта. В остальном, за свой профессионализм я отвечаю. Всё происходит так же, как в малой операционной, даже с соблюдением всех правил асептики и антисептики. Я, может и беспринципный, может

и монстр, но не злодей.

– Это дорого?

– Это очень дорого, – я допил свой бокал, налил ещё, посмотрел на её бокал, она кивнула, поняв без слов.

– И ты... только из-за денег?

Я усмехнулся, качнув головой, и отпил изрядный глоток. Приятно полилась пузырящаяся прохлада в горло и в грудь, наполняя воздухом.

– Ты хочешь, чтобы я сказал, что из сочувствия к тёткам, которые хотели бы скрыть от своих мужей или родителей, или от любовников, или чёрт его знает, от кого то, что они убивают своих детей? Ничего подобного. Только из-за денег. Может, когда научатся предохраняться, мне путь в ад станет длиннее.

Маюшка откинула голову на низкую спинку, запрокинулось лицо.

– И... и много таких?

Я вздохнул. По-моему, совершенно безмерно.

– Некоторые каждый месяц приходят... И мужиков, кто приводит ещё больше... Словом, у некоторых это становится частью жизни что ли... Мне не понять, – я не могу не хмуриться, мне тошно даже размышлять об этом, не то, что говорить.

Я взял сигарету и закурил, и Маюшка попросила тоже.

– Как страшно, должно быть, принять такое решение, – сказала она, разглядывая кончик сигареты, из алого превра-

тившийся в серый.

– Это тебе страшно. Привыкают люди ко всему.

Маюшка потушила сигарету. Посидела некоторое время молча, мы слушали в этот момент «Героя». Весёленькая песенка для этого разговора.

– Это больно? – она посмотрела на меня.

– Что ты спрашиваешь? Я могу представить, что вы чувствуете? Хотел бы, может, но мне это недоступно, – почти рассердился я, потому что уверен, что это, конечно, больно. – Я делаю с анестезией. А в абортариях – без.

– И...

Я выпрямился в кресле:

– Представь, что из твоего тела наживую вырывают кусок. В прямом смысле. Обливая руки твоей кровью. Выворачивают тебя наизнанку, как перчатку и вырывают то, что поселила в тебя страсть, любовь, распущенность, глупость, у кого что, но...

– Ой, замолчи! – позеленев, она бросилась к крыльцу.

Маюшку вырвало, перебрала всё же. Хорошо, свою меру теперь будет точнее знать...

– Напилась всё же, кукла моя! – засмеялся я, придерживая ей волосы, пока её выворачивало на снег у крыльца.

Она заснула, вытошнив изрядную часть ужина. Я ещё сидел некоторое время, глядя то на огонь, то на её милый профиль на фоне деревянной спинки дивана. Прелестный даже профиль, тонкий.

И волосы эти... рыжие в огневом свете здесь.

Красивая какая-то выросла. В кого? Нет, и Лида недурна. И Виктор в общем тоже. Но Маюшка... Ох... Не надо так много думать об этом.

Такой разговор у нас с ней впервые. Мы говорили обо всём, но об этом, о моей работе и работе я никогда не рассказывал раньше. А теперь степень нашей близости стала предельной. И раньше у меня не было никого ближе неё, но теперь она так близка, как никто и не сможет быть. Вообще она, как никто для меня, большая часть моей жизни и души.

Я опять посмотрел на неё. Приоткрылись губы, кончики смешных её зубов видны. Напоил, болеть завтра будет... И всё же до чего красивая...

... и ресницы, когда опустила глаза... «паровозик»... Чёрт возьми тебя, Илья Леонидыч, спи, хватит!

Наутро у Маюшки образовалось похмелье. И домой мы не поехали, чтобы нас не раскрыли. Да и не хотелось возвращаться. У меня были отгулы за дежурство, так что я мог позволить себе отдохнуть еще пару дней. А у Майи каникулы кончаются только в среду.

– Вот ужас – шампанское это ваше, – Майя держит голову на руке, сидя за столом.

– Похмелись, станет легче, – посоветовал я.

Она сморщилась:

– Да ты что! Смерти моей хочешь?

– Давай-давай, и пойдём, погуляем. В доме-то и в городе

насиделись.

Я налил ей шампанского в бокал и заставил всё же выпить. И через небольшое время лечение возымело действие: Маюшке стало легче, повеселела и согласилась идти гулять.

Мы вышли из дома. Мороз здесь за городом и сильнее, и мягче. Не кусает, но бодрит. Мы пошли в прозрачный лес, снег отливает всеми оттенками белого, вообще всеми самыми нежными пастельными цветами.

– Надо же, есть ведь несчастные страны и народы, которые никогда не видели снега, а, Ю-Юшек? – улыбнулась Маюшка, и слепила снежок. Запястья выглядывают из красных варежек...

– Я думал об этом же, – улыбнулся я.

А Маюшка бросила в меня снежок, который, впрочем, не очень-то слепился, от мороза снег сухой, не липнет. Поэтому я не стал лепить себе «снаряд», просто побежал догнать её, а она, взвизгнув, как и положено девчонке, бросилась от меня, хохоча. Споткнулась и упала в снег, всплеснув белых «брызг».

– Ох и чучундра ты городская, бегать и то не умеешь! – захохотал я, подавая ей руку, чтобы поднималась. А она плещет в меня снегом, как водой. Развеселилась.

– Есть хочу, – сказала она, наконец, когда мы отхохотались, вылезли из снега и отряхивали друг друга. – Может, домой пойдём?

– А где он, дом? – прикинулся я, оборачиваясь.

На какую-то секунду Маюшка поверила, что я не помню, как вернуться. Но, поняв, что я шучу, хотела стукнуть меня в плечо, но теперь уже я побежал от неё по снегу. И опять свалилась, конечно, и хохотали мы ещё дольше и пуще. Падая и катаясь по сугробам, нагребая снег в валенки и варежки.

Потом лежали рядом на снегу, глядя в светлое-светлое небо.

– У тебе совсем такие глаза, Ю-Ю, – сказала Маюшка. – Как небо сейчас.

– Не выдумывай. У меня серые глаза, – улыбнулся я, надо же, придумала, что у меня такие глаза, такого вот незапятнанного ясного цвета.

– Не-ет... Мне лучше знать, – Маюшка взяла меня за руку. – Именно такие. Наверное, так нарочно задумано, чтобы они завораживали, а?

Я встал и подал руку ей.

– Идём, замороженная.

В этот вечер Маюшка пила значительно меньше. Но ела сегодня уже лучше. Всё же свежий воздух и хорошее настроение совсем излечили её и от ангины, и от хандры.

И опять мы так же уселись перед камином в кресла. Телевизор не включили ещё ни разу за два дня.

– Ты сказала, что-то было у тебя в Новогоднюю ночь, – сказал я. – Не хочешь рассказать?

– Ничего такого, – сказала Маюшка, хмурясь.

Я достал сигарету и закурил.

– Зачем ты спрашиваешь? – продолжила она. – Я же не спрашиваю, что ты делал в Новогоднюю ночь.

– Можешь спросить. Я скажу, – ответил я с вызовом.

Она глянула на меня и отвернулась.

– Да-да, именно это... Что хмуришься? Думаю, три четверти половозрелого населения земли делали то же самое. Тебе не понравилось?

– Перестань, ничего такого...

Ю-Ю посмотрел на меня, снова затянулся и заговорил, выпустив синеватое облачко дыма и уже не глядя на меня.

– У меня это случилось, едва мне исполнилось шестнадцать. Летом. Вот здесь как раз, недалеко, в деревне, – Ю-Ю смотрит куда-то.

Вернулся туда, в то лето? У него даже лицо другое стало. И моложе, но и старше...

– Парни и мальчишки собрались и с дачного посёлка, и деревенские. Парни, девочки, я не помню их имён. А может и тогда не знал. Не помню ни лиц, ни имён... Болтались тогда все. Всё произошло как-то... само. Будто я и не участвовал. И лица её не помню. Не помню ничего, кроме... того, как меня тошнило потом. То ли от портвейна, то ли... от омерзения. Помню, как добрался до дома, с остервенением мылся, едва кожу не содрал.

Он затянулся ещё, чуть сощутив веки, потёр лоб тылом ладони.

– Весь следующий день я спал... Но пробуждаясь и вспо-

миная, я чувствовал рвотные позывы. – Ю-Ю, бросил сигарету в огонь камина. – Я до предела был противен себе, противен весь мир, и весь этот секс, и женщины, вообще всё... Но...

Он посмотрел на меня, усмехнулся краешком рта, опять отвернулся, подставив лицо отблесками племени.

– Но прошла пара дней. Или, может, три дня и... Я проснулся снова с гигантской и почти болезненной эрекцией. Я лежал на спине и мне казалось, я в потолок упираюсь членом, что я проткну сейчас крышу... Так сильно, с таким жаром я жаждал повторения того, от чего меня воротило с души ещё накануне...

– К чему ты говоришь всё это?!

– Чтобы ты помнила, поняла, что для мужчин... хотя и для женщин, думаю, тоже, секс необходим как вода. Или скорее, как воздух. Но секс – это так мало. Это почти ничто. Выпил воды и пошёл дальше. Это самое малое, что может дать женщина. А большинство ни на что не способны кроме.

– Это не так! – горячо возразила я. Как он может так думать?!

Ю-Ю повернул голову ко мне:

– Конечно, не так. Не может быть так, – спокойно согласился он. Но я говорю как мужик, слишком опытный, возможно, пресыщенный даже, а ты слышишь, как женщина. Я хочу, чтобы ты услышала меня. Меня, мужчину, мужской голос, не свой сейчас бабий. Сними дамскую шляпку, всё это

ханжество, все предрассудки и услышь! И не становись этим – только телом. Он воспользовался, с чем останешься ты?

– Кто он?! Какой «Он», Ю-Ю!?

– Успокойся, никто твоего Васю не трогает. Просто услышь и подумай.

Я подалась вперёд:

– Я не понимаю! Не понимаю, что ты хочешь сказать!

– Да то, что мы все одинаковы! Мы хотим до безумия, до полного ослепления, но, получив, нас несёт дальше... К новым берегам...

– К каким берегам?! Что ты городишь?! Городит... – я встала, ищу валенки ногами, пол всё равно холодный, хоть и топится печка непрерывно три дня. Что он в самом деле, затеял разговор этот... Этот разговор, когда Вася... когда Вася меня бросил.

Ведь бросил...

Она вдруг заплакала. Поднялась, и, пока обулась, не выдержала и заплакала, хотела уйти, наверное, но куда идти-то здесь, Маюшка? Что остаётся? Только обнять её.

– Ну, что ты? Глупенькая, в первый раз всегда... всегда плохо. Что ж ты хотела.

– Да... ничего я не хотела! Он... Вася... Он бросил меня... Ни разу такого не было, чтобы он не позвонил даже... а тут... И сам к телефону не подошёл...

Бедняжка. Маленькая девочка, слёзы горячие, жаром дышит мне на грудь, сквозь свитер прожигает... Я виноват в

этих слезах, в её горе детском ещё и девичьем.

– Он... ничего... Я не захотела, поэтому он теперь... понимаешь?

– Не захотела? Чего же плачешь? – я глажу мягкие волосы. – Чего же тогда плакать? Если он такой, чёрт с ним. Май, не надо.

Мне стыдно, но... Разберутся, ничего. Подумаешь, не виделись неделю. Три года дружили, за неделю не раздружатся. И главное я узнал: не было ничего всё же. Мне стало легче на душе...

Глава 2. Льдины

Мы вернулись с каникул. Я жду встречи с Майкой. Наконец увижу её и пойму, что это такое было. Почему она в первый раз за всё время так со мной поступает? Я так страшно ошибся, что поцеловал её? Или это потому, что она увидела, как я живу? Как мы живём с мамой? Маму?.. Или как говорит Иван Генрихович? Но...

А я в первый раз в новом классе. Я не волнуюсь, всегда был в центре симпатий. Тем более, полные карманы фирменных жвачек и значков – тоже хорошая поддержка обаянию. Поэтому, увидев класс, группирующийся в коридоре возле кабинета, я сразу с улыбкой подошёл к парням, что обсуждали что-то весело и громко. Их было ещё немного, я нарочно пришёл заранее, чтобы успеть до того, как все соберутся, собрать себе уже группу поддержки. Первый день и первое впечатление самое важное. Потом друзей искать начну, пока же займу привилегированное место.

– Привет. Я новенький. Максимов Слава, – сказал я.

– Слава? – парни обернулись.

Они оглядели меня сверху вниз. Но фирменные кроссовки, джинсы производят впечатление, даже, если завтра мне запретят в школу приходить в них, все запомнят, что я в них был. Хотя, не похоже, что в этой школе что-то такое запре-

щают, эти вон тоже в кроссовках, и джинсы на одном...

Я сразу оценил и их самих, и зарплаты их предков и примерное положение их семей. Все, в общем, не из люмпенов, инженерские дети, или врачебные. Галстуки, значки с А-На, Modern Talking, рокеров, тем более металлистов пока я не заметил.

– Слава? – хохотнул один. – Слава КПСС? Или Труды?

Заржали и четверо остальных.

– Народу-Победителю, – усмехнулся и я. И достал горсть жвачек из кармана: – Угощайтесь.

Парни заулыбались, не отказался ни один. И смотрят веселее. Девочки подходят, все с начёсами, но жутких макияжей я не заметил.

Некоторые с парнями чуть ли не обнялись. Я удивился. В моей прежней школе, все отдельно. И только по фамилиям. Да и парней там, в классе было шесть человек на шестнадцать девочек, без меня пять осталось. А здесь, похоже, нормальный комплект.

– Это у нас Новый год удачно прошёл, – пояснил один, из тех, что не обнимался. – Теперь парочки образовались. Все каникулы по кино и кафе-мороженым. На каток опять же.

Красивые девушки. Одна высокая, чернобровая, оказалась Оксана, почти как у Гоголя. Ещё одна, блондинка, ноги длинные – Галя. И третья, немного проще, но только на первый взгляд, профиль у неё как на древних монетах... Это Света. Есть тут на кого посмотреть. Очень приятно... Все

они оказались заняты.

Но я не слишком интересовался отношениями с девушками. Я люблю смотреть на них, испытывая эстетическое удовольствие, но и не более. Какого-то особенного волнения они во мне не вызывают. Наверное, я не повзрослел ещё. Так говорит отец.

Он развёлся с матерью, позорно застав её, не хочу вспоминать... Мать теперь с тем, что стал виновником, отец уехал в Москву, а меня оправили к бабушке сюда. На время, пока он не устроится. Но я намеревался поступать после школы на будущий год в мед, поэтому меня не волновало, что я попал в М-ск, оставаться здесь надолго я не собираюсь, так, приключение.

Но вот... появилась Боттичелиевская какая-то девушка. Совсем не такая, как все прежние красивые девушки. Такую я не ожидал увидеть. Я смотрел, как она шла и мне казалось, я слышу звон каких-то колокольчиков, я даже дышать забыл, так засмотрелся...

Парни захихикали:

– Рот закрой, и слюни вытри, Слава Народу-Победителю, – уже по-дружески в плечо толкнули: – это Кошка.

– Почему Кошка? – я не могу оторвать взгляд. В первый раз со мной такое, какая-то необыкновенная...

– Кошкина, потому что. Но она у нас давно... – один показал неприличный жест. – Щас придёт кент её. Всегда вместе ходят. Мы уж заморились аборты ихние считать.

– Даже так?! – удивился я.

– А ты думал! Они как кролики...

– Класса с шестого.

Девушка казалась такой... лёгкой, прозрачной, светящейся в своём платье и фартучке, старомодных манжетах и белом воротничке... ножки тонкие, коленки хрупкие, такая милая, такая, прозрачная и...

Она подошла к другим девочкам. Волосы по спине струятся – нежные волны, как шёлк. Я не успел ещё разглядеть её по-настоящему, пришла учительница и впустила нас в кабинет. Представила меня классу. Разрешила сесть, куда хочу.

Я и сел за вторую парту к чудесной девочке. Пусть говорят про неё чёрт-те что, но всё равно, мне так приятно на неё смотреть. Пусть даже такая, как сказали, зато прелестная. И... духами пахнет. Это Cacharel – «Anais-Anais», я знаю, потому что у моей двоюродной сестры такие. А волосы пахнут шампунем «Зелёное яблоко», славно... Кольцо у неё на пальце, крупный дымчатый топаз, такие редко попадаются, я впервые вижу. В камнях я разбирался, дед геммолог-любитель, целое собрание атласов и образцов развлекали меня с детства.

Интересная всё же. И не такая как все...

Вася не пришёл... В школу не пришёл. Может, заболел? Может, что-то случилось? Я не звонила больше, всё обижалась, а с ним, может быть, что-то... Или с его мамой опять.

Я не заметила даже, что со мной сел какой-то мальчик...

Я не заболел и не нарочно не пришёл, я тупо проспал, забыл завести будильник после каникул вот и всё. А мама ещё на больничном, тоже спала себе и не думала даже поспать. Поэтому я проснулся, когда уже закончился первый урок... Пока я бежал до школы, собравшись за какие-нибудь десять минут, успев только почистить зубы, выпить воды и одеться, уже начался второй урок. Хорошо ещё, что одежду с вечера приготовил и сумку...

Когда я вошёл в класс, второй урок, это была химия, шёл уже пятнадцать минут. Пару лет назад меня и дежурные у входа не пускали бы, но теперь строгостей уже никаких не было, сменку проверяли, но и то без придинок.

Что я увидел, когда вошёл?

Что Майка сидит с каким-то мелким востроглазым парнем с тощей шеей, незнакомым и противным до рвоты.

Я десять дней ни на минуту не переставал думать о ней, о том, почему она не хочет меня видеть, что случилось такого, что оттолкнуло её. Но, вспоминая в стотысячный раз все подробности того, что было, я не мог поверить, что я был ей так противен, что она не хочет теперь меня видеть...

Все сомнения развеялись теперь, когда оказалось, что она сидит теперь с этим... кто это такой?!

Я прошёл назад и сел один за последнюю парту, остававшуюся пустой, даже стул тут стоял один всего.

– Метелица, Кошкина, что это вы? – не преминула спросить химичка Нина Никитична с иронией.

– А у них развод! – захохотал кто-то и подхватил весь класс.

Неужели у нас и правда «развод», с ужасом подумала я и обернулась назад на Васю. Он не ответил мне взглядом, мрачно раздувая ноздри, доставал тетрадь и ручку из сумки. Но и выпрямившись, не посмотрел, хотя не мог не видеть, что я смотрю на него. Учительница между тем сделала мне замечание:

– Кошкина, сиди ровно, не вертись!

Мальчик рядом со мной что-то говорил мне по ходу урока пару раз, но я даже не расслышала.

Как плохо всё получилось, он может подумать, что я нарочно с этим новичком уселась. Я даже имени этого мальчика не помню, а Вася уже сердится. Всё как нарочно! И станет думать...

Так и вышло. Я, конечно, подошла к Васе на перемене. Пока все мы шли на алгебру. Идти через три этажа с четвёртого на второй и из нового, холодного корпуса школы, в старый, с высокими потолками, и здоровенными толстыми дверями.

– Вася, – я тронула его за локоть легонько.

Он остановился, обернувшись, но смотрит куда-то выше моей макушки, пользуясь, что он почти на голову выше меня.

– Вася, ты... почему не позвонил? У тебя всё хорошо? Как

мама?

– Хорошо. Выздоровливает. Всё? – он скривился немного, по-прежнему не глядя на меня. И всем видом показывая, что ему недосуг болтать со мной.

Но я всё же не теряю надежды:

– Ты... Вася, неужели ты обиделся?

– Чё те надо? – Вася сделал лицо ещё противнее, скривив рот. Но равно всё не смотрит. – У тебя же новый парень. Поздравляю. Симпатичный.

– Вась, да ты что, какой парень?! Пришёл новый какой-то, я даже...

– Я понял-понял, у него, наверное, дела получше обстоят, да? Ты все каникулы с ним провела, должно быть?

– Да ты что?! Я даже имени его не знаю...

– Это точно, имён ты не запоминаешь, – криво и зло усмехнулся он, показав на мгновение злые белые зубы. – Ладно, удачи тебе с новым другом, Кошкина!

– Вася... – я почти онемела. Это он повод такой нашёл, чтобы развязаться со мной?

Но он, мой Вася, мой прекраснейший принц и рыцарь, пошёл к лестнице, даже не обернувшись. Зато меня нагнал мой новый сосед.

– Ты сумку забыла, – сказал он, подавая мне мою сумку.

Я посмотрела на него, откуда ты взялся на мою голову?!

Не знаю, почему Майя Кошкина поссорилась с этим своим Метелицей, но это дало мне возможность получше рас-

смотреть их обоих. Метелица высокий, в отличие от меня, стройный, длинноногий, волосы длинные по дерзкой моде, вот кто рокер здесь. Даже сумка у него исписана шариковой ручкой логотипами. И именно с ним я оказался в контрах, похоже. Но откуда же я знал, что они поссорятся. Да ещё из-за меня.

Ерунда, помирятся, я же, правда, ни при чём.

Так думаю и я, уговаривая сам себя, когда успокаиваю Маюшку, плачущую вечером в своей комнате. Хотя я рад, что они поссорились. То, что всё же вымолвила Маюшка об их Новогодних приключениях, меня пугает. Она слишком влюблена в него и слишком доверяет. Так и до беды недалеко, что тоже на аборт пойдём или рожать в десятом классе станем? Пусть подальше от неё побудет герой скороспелый.

Я кое-как сделал уроки и, не в силах сидеть у себя, зашёл к Ивану Генриховичу в комнату, надеясь внутренне, что он не возобновит разговор о Майке и мне не придётся говорить ему, что он был прав, и мы с ней теперь не дружим, потому что она, очевидно, не считает меня достойным себя. Или просто я стал противен ей. Или и то, и другое. Пока я защищал её от нападков дураков-одноклассников я был ей нужен, а как парень – извините, не подхожу... поищем почище...

– Ты что, мрачнее тучи, Василий? С каникул вернулись, настроения нет?

Я сел сбоку письменного стола, за которым сидит он сам над каким-то здоровенным томом.

– А мне удалось Дрюона достать. Великолепная беллетристика. Хочешь, возьми, почитай, очень захватывающе. Отдохни душой, – он говорит, не разгибаясь над своим фолиантом.

Я заметил, что очки у него замотаны синей изолентой.

– Иван Генрихович, давайте очки почию? – не могу я сейчас читать, ни одна мысль не входит в мою голову, кроме мыслей о Майке, видений того, что было сегодня.

Иван Генрихович посмотрел на меня:

– Почини, только... как же ты починешь, если винтик я посеял где-то?

– Со старой оправы снимем, из тех, что вы не носите.

У него очков был целый ящик, он вообще немного Плюшкин, не выбрасывает ничего. Он вытянул ящик с очками, нашёл какие-то более-менее подходящие, нацепил их на длинный хрящеватый нос, а мне отдал те, что были до того на этом носу.

Я взял их, размотал дурацкую ленту, рассмотрел получше, хорошо, действительно всего лишь винтик выкрутился, петельки целы.

– Вы не заматывайте больше, Иван Генрихович, мне оставляйте, если что, иначе получается тут всё липкое теперь от изоленты этой. И лента нехорошая, старая, выбросьте.

Он усмехнулся одобрительно, поглядев на меня. Я напра-

вился к себе, инструменты у меня в комнате.

– Как невеста? – спросил Иван Генрихович, уже не глядя на меня.

Я ничего не ответил. Но он не замолчал:

– Что, после визита в нашу коммунальную конуру интерес поостыл у принцессы?

– У принцесс свои причуды, – нехотя ответил я. Зря, лучше бы снова промолчал. Чего он хочет, чтобы я взорвался и наговорил ему гадостей? Чтобы я ещё глубже почувствовал свою потерю? Чтобы стал ещё противнее самому себе?

– Надеюсь, тебя не устраивает роль телохранителя при принцессе? Или, тем более, пажа? Такие роли не для тебя, Василий.

Я вышел и тихо прикрыл дверь, чувствуя дрожь и огромное желание сломать притолоку и здесь.

На другой день Майка уже не пыталась подойти мириться. И ещё через день. А потом пришли выходные. Мы все договорились идти на каток после уроков в субботу, отпраздновать так Старый Новый год. Майка присутствовала при этом разговоре и вроде тоже соглашалась.

За прошедшие четыре дня с конца каникул, парни рассказали со всеми настоящими и выдуманнными подробностями, что происходило на празднике и после за время каникул. Всё было именно так, как мы предположили с Майкой, только с последствиями: образовались сразу три пары: Оксана теперь дружила с Климовым, Галя с Хуснутдиновым, а Света

с Черпаченко. Счастливые парочки теперь не расставались на переменах, пересели все друг к другу, благо, никто уже давно по усмотрению учителей не принуждал нас сидеть на уроках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.